

Победная весна гвардейца

Автор:

Юрий Корчевский

Победная весна гвардейца

Юрий Григорьевич Корчевский

Гвардия #3Героическая фантастика

Илья Миронов – лейтенант Росгвардии из XXI века – попадает на Великую Отечественную войну.

Начав боевые действия в сорок первом году сержантом, по чужим документам, Илья благодаря своим умениям и мужеству дослужился до звания старшего лейтенанта и должности командира роты, был неоднократно награжден орденами и медалями. За чужими спинами никогда не прятался, в тылу не отсиживался, всегда воевал на самых опасных участках фронта – в Белоруссии, под Москвой, на Курской дуге.

Победная весна сорок пятого года встречает гвардейца-разведчика на подступах к Восточной Пруссии, колыбели германского милитаризма. Сумеют ли бойцы Миронова без потерь взять штурмом город-крепость Кенигсберг и добить врага в его берлоге?

Юрий Корчевский

Победная весна гвардейца

© Корчевский Ю.Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1. Снова в строю

Илья пролежал в госпитале полтора месяца, окреп после контузии. У раненых главное развлечение – сводки Совинформбюро. Передавались они часто, к этому времени у репродукторов собирались все, кто мог ходить. Если в первые месяцы войны у всех были лица напряжённые, поскольку враг продвигался всё дальше и дальше на территорию страны и диктор перечислял оставленные города, то теперь ситуация в корне изменилась. В январе 1944 года РККА освободила Великий Новгород, а 27 января была снята блокада Ленинграда. В феврале Красная Армия освободила Луцк и Ровно, а в конце марта вышла к реке Прут, к государственной границе СССР с Румынией, союзницей Германии, западнее города Бельцы.

Илья с командой выздоровевших и признанных годными к военной службе возвратился в свою 31-ю армию 3-го Белорусского фронта. Линия фронта к тому времени проходила от Нарвы на Псков, далее к югу, у Полоцка поворачивая на юго-восток, огибая Витебск, шла восточнее Орши и Могилёва, поворачивая на юго-запад в сторону Жлобина и Мозыря. Получался своеобразный выступ немецких позиций в сторону русских фронтов. Немцы называли его белорусским «балконом». Германский Генштаб считал, что летом русские нанесут удар южнее реки Припяти. Но в Ставке сочли, что надо ликвидировать Белорусский выступ, стали разрабатывать операцию «Багратион». Местность лесоболотистая, многие реки – Сож, Днепр, Друть, Березина – текут в меридиональном направлении, пересекают дороги с востока на запад, являясь естественными препятствиями для наступления. Немцы имеют развитую железнодорожную сеть Смоленск – Орша – Минск в две колеи и Витебск – Минск, по которой можно быстро маневрировать войсками.

Напротив нашей 31-й армии, несколько южнее Витебска по фронту, занимала оборону немецкая 3-я танковая армия из 10 пехотных дивизий, 12 отдельных полков и нескольких бригад штурмовых орудий. Все эти дивизии, а также 201-й полк охранной дивизии и полк «Копенгаген» занимали первую линию. На

оршанском направлении у немцев три рубежа обороны глубиной 15–20 километров и плотностью 12–14 километров на дивизию.

К началу лета 3-й Белорусский фронт занимал оборону от реки Западная Двина до Баево, что на 45 км восточнее Орши, общей протяжённостью 130 км. Фронт имел три армии – 39-ю, 5-ю и 31-ю.

Разведка немецких позиций началась загодя. Активизировалась авиаразведка, агентурная, потом уж дивизионные и полковые. С нашей стороны предпринимались меры по дезинформации противника.

Илья, хоть и попал в свой разведвзвод и свою дивизию, армию, чувствовал себя не в своей тарелке. В немалой степени потому, что состав разведвзвода и роты поменялся полностью. Кто-то убит, другие комиссованы по ранению или находятся в госпиталях, а хуже того – сгинули без вести в поисках на оккупированной территории. Вроде и не было Ильи совсем немного, а переменялось всё. Во взводе прежнего состава Илья пользовался заслуженным уважением, как удачливый командир разведгруппы, а теперь доверие и уважение надо завоёвывать вновь. Ладно, не впервой, за годы войны Илья не то чтобы привык, но смирился. Война без потерь не бывает, а в разведке служба опасная. И служили там по большей части люди по натуре рискованные, а то и с хулиганистым прошлым. Однако бесшабашных в разведке выбивало быстро. Риск тогда оправдан, когда позволяет выполнить приказ и сохранить личный состав. Одно радовало – к сорок четвёртому году командиры всех уровней научились беречь подчинённых. Тех же пехотинцев не посылали в лоб на пулемёты, а разведчиков – в рейды неподготовленными. А ещё – армия насыщалась радиостанциями, и в случае необходимости можно было передать сообщение. Конечно, немцы пеленговали, по пеленгу высылались группы полевой полиции или полицейских из охранных батальонов. Но сообщение уже ушло, командование знает об обнаруженной базе, складе, батарее. А то бывало, группа обнаруживала поставленную цель, а при возвращении погибала, так и не успев сообщить командованию координаты. Выходит – погибали зря. Да и в плане пеленгации разведгрупп тоже не всё просто. Даже запеленгованную группу пойдя возьми в глухом белорусском лесу, для этого целая дивизия нужна – окружить и прочесать. Тем более после выхода в эфир группа никогда не остаётся на месте, уходит сразу.

Поскольку весь взвод из новичков был, неформальные лидеры ещё не определились и командирами поисковых групп, командиром разведроты

назначались старшие по званию. В одну из ночей разведгруппа из четырёх человек ушла в поиск. Старшим – Илья, с ним двое разведчиков, прошедшие госпиталь, парни с опытом, а ещё радист, паренёк совсем молодой, после школы и курсов радистов. Илья больше всего за него опасался. На ту сторону, к немцам, переходили по болотистой местности, сырой. Не болото ещё, но и траншею или окоп выкопать невозможно, углубление быстро заполняется водой. У немцев здесь сплошной линии траншей нет, передовую охраняют «секреты» по два-три человека. Неуютно немцам, в землю зарыться невозможно и, стало быть, пулю или осколок схлопотать запросто. Потому вели себя тихо, по обыкновению своему пулемётчики не постреливали, ибо и «ответку» получить можно. Местоположение «секретов» разведчики уже знали, были на той стороне относительно сухие места, где прилечь на землю можно и обмундирование сухим останется. Но осторожность соблюдать надо. Немцы – служаки ревностные, в караулах и «секретах» не спят. А и захотели бы, всякие кровососущие летающие вампиры не дадут, комары над всяким живым существом целым облаком висят и жалят безжалостно. И никаких репеллентов не было, никакого спасения, кроме дыма. Да разве костёр в «секрете» разведёшь?

Разведгруппа не ползла, шагала в полный рост, расстояние между «секретами» велико, а ночь тёмная, луна за облаками скрыта. Одно только – ноги в сапогах осторожно ставить надо, чтобы не чавкало, не хлюпало, ночью звуки далеко разносятся.

Позади «секретов», где местность повыше и посуше, уже траншеи идут, землянки. Хоть и есть в траншеях часовые, а ведут себя менее осторожно, надеясь на «секреты» впереди. И траншею миновали легко, без потерь. На влажной земле отпечатки сапог чёткие, но Илья не волновался, на разведчиках сапоги немецкие. Да и через час отпечатки уже водой заполняются, поди отгадай – когда оставлены?

Задача для группы была серьёзной – взять языка, обязательно офицера и желательно захватить его подальше от передовой. Тут расчёт простой, чем ближе к передовой, тем меньше офицеры знают о планах своего командования, складах, резервах.

Илья по получении приказа сразу сказал, что за ночь не управятся.

– Да хоть за три, лишь бы «язык» ценный был, – ответил командир роты.

Поговаривали, что старлей разжалован был из майоров, а за что – никто не знал. Но проболтался писарь из штаба корпуса. Илья ещё в первый раз, при знакомстве, отметил, что поведение старлея слишком вальяжное для его звания. Да всё равно, лишь бы командир толковый оказался.

Пока получалось – Илья присматривался к сослуживцам, а они к нему. В разведке отношения специфические, если тебе не доверяют на все сто, никто в группе с тобой не пойдёт.

Выбрались к дороге, пошли параллельно ей по лесу. Дорога сбиться с курса не даёт, в темноте лишний раз включать фонарик, чтобы определиться по компасу, не надо. Да и опасно на дороге. То мотоциклист проскочит, но его можно заранее по звуку двигателя услышать, то застава из ГФП стоит, ничем себя не выдавая. В одном месте, уже километрах в восьми от передовой на полевой госпиталь наткнулись, стороной обошли. В километре от госпиталя – бригада штурмовых орудий. Илья, как обошли её, сразу на карте отметил, пусть наши ИЛ-2 поработают. После отхода днём координаты бригады можно передать, зря, что ли, радист с группой идёт? Главная сила любой армии, что немецкой, что нашей, – бронетехника. Танки или самоходные орудия проламывают оборону в наступлении или могут своим огнём из укрытий наступление противника сорвать. Потому выбить танки – первостатейная задача.

Шли почти до рассвета, укрылись в лесу, углубившись в чащу на километр. Случайный человек сюда не забредёт, да и часового всегда разведчики выставляют. Дежурили по очереди. Когда после полудня очередь Ильи подошла, он текст радиogramмы набросал, зашифровал. Ближе к вечеру, когда все перед выходом ужинать уселись, передал записку радисту.

– Поужинаем – отстучишь.

Можно было и утром «радио» отправить, но тогда здесь останавливаться нельзя, егеря или ГФП в гости нагрянут. А сейчас радист «радио» даст и можно сразу делать ноги. Тем более, если судить по карте, недалеко ручей протекает, по нему пройти с километр обязательно надо, чтобы сбить собак со следа, если немцы с псами на место стоянки выйдут. А выйти должны. Чужая разведгруппа в тылу – это всегда ЧП! Группа может выявить базы, склады, места дислокации, и тогда бомбардировщики и штурмовики живого места не оставят, даже если маскировка хорошая.

Радист «радио» отстучал, быстро смотал провода антенны, уложил рацию в рюкзак.

– Поднялись, попрыгали, вперёд!

Светать только-только начало. Вскоре, как на карте указано, – ручей. По нему бегом. Глубина по колено, дно плотное. Через километр на берег и снова бегом – просохнуть. Конец весны, май, а вода в ручье ледяная. Не хватало только простыть. Оно и для пехотинца плохо, а для разведчика – смертельно опасно. Кашлянул или чихнул не вовремя, и всей группе конец. Илья гнал группу, пока задыхаться начали, зато пропотели все, согрелись, а обмундирование высохло на теле. Другая незадача – упёрлись в автодорогу Витебск – Орша. Такая дорога, идущая параллельно линии фронта в ближайшем тылу, называется рокадой и очень важна, поскольку позволяет быстро перебрасывать воинские части с одного участка на другой. А только по дороге движение и быстро рокаду не преодолеть. Дождей не было недели две, и от колёс, гусениц висело облако пыли. Мимо проходило пехотное соединение – грузовики, бронетранспортёры, тягачи с пушками и ни одного танка. С полчаса пришлось отлёживаться, пока громадная колонна к Орше прошла. Немцы перебрасывали часть войск южнее, ожидая летом 1944 года наступление русских на Украине. Пыль осела, звука моторов не слышать.

– Все вместе – вперёд!

Бросились через большак, успели полсотни метров пробежать, как треск мотоциклетных моторов. Сразу залегли, причём удачно получилось, в старую воронку от авиабомбы. Из-за пригорка показались несколько мотоциклистов, проехали мимо. За ними с десятков грузовиков. Остановились почти напротив разведгруппы. Из крытых брезентом кузовов стали выпрыгивать солдаты, разминали ноги, потом построились и под командованием офицера направились в лес, рассыпавшись цепью. Благо, что в другую от разведчиков сторону. Один из разведчиков, опытный вояка лет тридцати, имевший орден Красной Звезды, сказал.

– Похоже, по нашу душу, пеленгаторы навели.

У всех мурашки по коже. Опоздай они с переходом рокады и попали бы в кольцо прочёсывания. И всего-то четверть часа отделяли нахождение разведгруппы на

той стороне рокады и этой.

– Полюбовались? Уходим!

Илья посмотрел на часы. Получалось, от момента радиопередачи до появления гитлеровцев прошёл один час и десять минут. Быстро среагировали, очень быстро, надо учесть и в следующий раз шевелиться быстрее. Что удивило – не было собак. Решили действовать силовым путём – с нескольких точек высадить солдат, окружить район возможного нахождения РДГ и уничтожить. Ну-ну, попутного ветра в спину!

Судя по карте, недалеко Богушевск, километра три, двадцать минут шустрого ходу. И стоит этот маленький провинциальный городок на трассе между рокадой и Сенно, городом районным, к которому ведут сразу пять дорог.

Илья шкурой чувствовал, в Сенно должны быть штаб и склады. Уж очень место удобное. Из этого Сенно грузы можно быстро доставить в Витебск, Оршу, даже Городок. Кроме того, болот поблизости нет, стало быть, склады можно обустроить. Для таких целей рылся котлован, сверху накрывался маскировочной сетью, и складировались там бочки с бензином, ящики со снарядами, запчасти для техники. Немцы зачастую хранили и использовали на марше тысячи двадцатилитровых железных канистр. В Красной Армии таких не было. И известные всем автомобилистам канистры с тремя ручками сверху – это точная копия немецких, только без орла со свастикой на боковых стенках.

Вот только Сенно от Богушевска в тридцати пяти километрах. Учитывая, что скрываться от неприятеля надо, передвигаться не по дорогам, день хода. И группе уже не обернуться в назначенный срок. Да пусть так, если «язык» ценным будет.

Впереди группы дозорный. Шли быстрым шагом и добрались до Сенно к восемнадцати часам. Пока группа отдыхала в лесу, близ окраины городка, Илья на дерево забрался, стал рассматривать в бинокль. Город в ближнем тылу, обстановка спокойная. Немцы по улицам ходят, местные жители, проезжают мотоциклисты, легковые машины. Где грузовики? Если есть склады, должны быть грузовики.

Показался «Кюбельваген», открытый вездеход. Машина редкая, пользовались такими уж точно не командиры рот или батальонов. Как минимум уровень полка, а скорее всего, дивизии, корпуса. Сразу интерес проснулся. Штаб? Если штаб, то офицеры знают изрядно, «языки» ценные, но и охрана соответствующая, и шансов сломать себе шею много.

Разведчики поужинали консервами. Илья приказал остаться на месте радисту, а разведчикам оставить сидоры и наблюдать за городом с разных точек. Места наблюдения Илья указал. Сбор здесь в двадцать два часа. Позже наблюдать смысла нет. Немцы спать ложатся рано. В Белоруссии в это время года ночи короткие. Темнеет поздно, светает рано, вся ночь часов пять. В девять вечера набежали тучи, стемнело, пошёл дождь. Для наблюдения плохо – видимость ухудшилась, зато дождь для разведчиков – благо. Свободные от службы гитлеровцы стараются носа из-под крыш не показывать. Часовые тоже ищут укрытие – под деревом, навесом. Слышимость ухудшается из-за шума дождя, а собака-ищейка в дождь не может взять след. Понятное дело, минусы тоже есть – обмундирование к телу липнет, обсушиться негде, скользкая трава и под ногами земля чавкает.

Как дождь пошёл, разведчики собрались в лесу, у радиста. Каждый доложил, что видел. В доме, рядом с которым «Кюбельваген» стоял, квартировал оберст, иначе – полковник. Но к нему подобраться нереально. На крыльце под навесом часовой, а в доме ещё двое – лейтенант, вероятно, помощник, и рядовой. Итого, вместе с оберстом, четыре человека, без шума взять не получится. Посему, хоть «язык» лакомый, а придётся довольствоваться иным. Вот Андреев докладывает, что в избе на окраине офицер квартирует, звание разглядеть не удалось, но явился он в избу с кожаным баулом. Обычно в таких немецкие офицеры носят служебные бумаги.

– Давай поподробнее об офицере, – сказал Илья.

Поподробнее – это пути подхода и отхода, препятствия в виде часовых или денщиков в избе, других постояльцев, ведь офицер мог квартировать не один, хотя немцы этого не любили. Прямо по русской пословице – два медведя в одной берлоге не уживаются. После доклада Андреева решили офицера брать. Оставили радиста на месте в лесу, а сами к избе, на другую сторону городка. Во всём райцентре каменных домов раз-два и обчёлся. В каждой местности строят из того материала, что под рукой. Вокруг Сенно леса, причём смешанные, есть хвойные деревья, есть лиственные. За доставку из дальних краёв платить не

надо, возводятся избы быстро, зимой в них тепло и дышится в избе легко, всё же дерево – материал экологичный, хотя такого слова раньше не знали. Но всё же пара изъянов у деревянной избы есть – пожароопасно и разные жучки – древооточцы древесину жрут, превращая в труху.

Подобрались к дому, в окне свет виден сквозь щели в занавеске. Немцы зачастую использовали аккумуляторные фонари, а наши военнослужащие – коптилки из снарядных гильз или трофейные фонари.

Илья послал разведчиков к туалету на заднем дворе. Время уже позднее, немцу спать пора, перед этим наверняка в туалет пойдёт. Сам Илья встал за угол под крышею сеней, подстраховать своих парней. Обмундирование промокло до нитки. Дождей уже месяц как не было, и в поиск отправились без плащ-накидок, а дождик вот он, когда не ждали. А дальше всё не по плану пошло. Немец в самом деле вышел, постоял с минуту на крыльце, да в туалет идти раздумал, сверху льёт, мундир замочить не хочет. Расстегнул фриц ширинку, мочиться начал, какую-то песню напевает. Вот же сволочь! Илья лихорадочно ситуацию просчитывает. Второй раз немец до утра уже не пойдёт. Или сейчас надо брать, одному, или ждать утра. Стянул автомат с плеча, взял за ствол и с размаху треснул офицера по голове. Тот вырубился сразу, упал ничком, загрохотал по крыльцу. Илья замер. Если в доме есть ещё кто-нибудь, быть беде. Минуту ждал, другую. Дольше и нельзя, под дождём немец очухаться может. Связать руки, да кляп рот затолкать навыв был. Потом к туалету во дворе метнулся.

– Эй, разведка! Взял я немца. Вы за ним приглядите, он на крыльце валяется, пока я избу обыщу.

Переглянулись бойцы, мокрыми тенями за старшиной. А Илья уже в избу вбежал. На столе бумаги разложены, на стуле открытый баул. Сгрёб со стола бумаги и в баул. Тумбочку открыл – ничего интересного, под подушку заглянул, пистолет там, забрал. Под кроватью чемодан, вытащил, замки отщёлкнул. Чистое шёлковое бельё, фотографии из дома, бутылка коньяка, палка копчёной колбасы, парадный френч с крестами. Бутылку и колбасу в баул опустил, он кожаный, не промокает. Уходя, фонарь над столом выключил. Баул с бумагами тяжёлый, руку оттягивает, а только по поговорке – своя ноша не тянет. Что в бумагах – переводчики узнают. А сейчас надо уходить и дождь будет в помощь.

Парни пленного уже к задам утащили. Как Илья примкнул к группе, быстрым шагом пошли. Чем баул нехорош, одна рука занята, неудобно, ибо во второй

руке автомат. Добрались до лёжки, на которой радист, забрали сидоры.

– Ефрейтор, забирай свою шарманку и ходу! – скомандовал Илья.

Рацию тогда шарманкой называли, хотя не на всех фронтах. Хорошие полевые радиостанции наша промышленность выпускать стала – «Север». Габаритами и весом невелика, немецкий «Телефункен» почти в два раза тяжелее и больше. Радист под старой елью устроился, туда струи дождя не попадают, на мягкой подстилке из опавших иголок. Пленного по очереди на себе тащили. Через четверть часа «язык» в себя пришёл, сначала задёргался, потом замычал. Илья сунул ему под нос кулак. Немца на ноги поставили, к связанным рукам ещё верёвку привязали, а другим концом к Андрееву, за ремень. Пусть пленный сам идёт, что силы тратить? Пленный на баул, что в руке Ильи поглядывал. Шли по карте, ориентируясь по компасу. Илья старался обходить населённые пункты и болотистые участки и до утра успели пройти километров двадцать пять. К утру на отдых расположились, устали все. Сухари в сидорах размокли. Илья колбасу, изъятую у немца, на всех поделил. И немца не обошёл. Силы всем нужны, пусть немец сам топает. А вот коньяк офицеру не дали, каждый разведчик по несколько глотков сделал, больше для согрева. Почти фронтовые сто грамм. Коньяк выдержанный, с отменным вкусом. Ещё бы – французский. Немцы всю Европу ограбили, каких только консервов Илья у них не видел! Немец, как поел, стал говорить. Однако никто из разведчиков немецким языком не владел. Плохо, конечно, делу мешает, а уже исправлять поздно. Нет на фронте языковых курсов. В разведке же знание языка противника – насущная необходимость. Вот и в данном случае хотя бы узнать – кто офицер по должности, какого подразделения. А то был у Ильи случай, взяли офицера в тылу, а он оказался капелланом, священником католическим. Ещё как-то был военврач, как «язык» ценности не представляющий.

Отдыхали по очереди, часовой приглядывал за пленным. Пока он на захваченной территории, может попробовать сбежать. Но пленный вёл себя спокойно. В то, что офицер смирился со своей участью, Илья не верил. Скорее всего, выжидает удобный момент. Сейчас разведгруппа с пленным в лесу и у беги пленный, запросто может угодить в болото и сгинуть. И он наверняка это понимает.

Отдыхали до двух часов дня. Дождь к этому времени прекратился, но было влажно, от земли шли испарения. Илья определился по карте. Они недалеко от просёлочной дороги. Если её пересечь, можно идти днём, впереди лесной массив на пару десятков километров, вполне можно выиграть время. После

дождя не по каждой дороге проехать можно, Илья на это обстоятельство рассчитывал.

– Подъём! Андреев, за фрицем следи, как бы попытку сбежать не сделал. Не нравится мне его морда.

За час добрались до дороги, а она почти сухая, супесчаники сказываются. Только Илья хотел приказ группе отдать на движение, как послышался треск мотоциклетного мотора, из-за поворота показался мотоцикл с коляской. Проехал не спеша, оставив за собой запах сгоревшего бензина. В лесу, да после дождя, такие запахи ощущаются остро, аж в носу щекочет. Илья решил забирать севернее, в сторону Витебска. Получится дольше, но и немцы сейчас встревожены. Рация в эфир выходила, пропажу своего офицера обнаружили, дураку понятно – чужая разведгруппа в тылу действует. И с пленным пойдут по кратчайшему пути к фронту. А Илья решил действовать от противного, дать крюк, но зону возможных патрулей, дозоров, застав – обойти.

Дорогу удалось перебежать, причём Илья сам следы веником из сорванных веток убрал. И группа теперь шла не на восток, а на северо – северо-восток. Леса здесь глухие, единственное, что будет препятствием, это шоссейная и железная дороги, рокады, но это уже недалеко от фронта, в ближнем немецком тылу. Шли до темноты, остановились, когда впереди шоссе показалось. Даже не шоссе, вначале услышали шум моторов, залегли. Илья вперёд прошёл, а рядом, в сотне метров – шоссе. И немцы по нему на юг, в сторону Орши, а затем и Украины двигаются. Колонна за колонной, тягачи с прицепами, броневые автомобили, грузовики с прицепами. Пылища, бензиновая вонь. Илья полагал, что ночью движение замрёт, ибо без включенных фар ехать рискованно, а с ними – опасно. Наша авиация по ночам летала активно, в первую очередь на лёгких У-2 и бомбила с малых высот точно. Да ничего подобного, колонны продолжали ехать, только интенсивность снизилась. Через узкие щели фар головной свет фар скудный, скорость автобронетехники упала.

Илья вернулся к группе, вместе подобрались к кустам, залегли. Надо набраться терпения и ждать удобного момента. Оказалось, выжидали не только разведчики, но и пленный. Когда по шоссе к кустам грузовик приблизился, пленный вскочил. Крикнуть не в состоянии, во рту кляп, руки связаны, а ещё верёвка к Андрееву идёт. Разведчик среагировал моментально, за верёвку дёрнул, а ещё ногой подсечку сделал. Пленный на спину грохнулся со всего маху, замер от боли. Андреев кулак к лицу поднёс, потом кисть распрямил,

поперёк горла провёл. Жест понятный – будешь дёргаться, прирежу! Днём такая выходка пленного действительно могла иметь печальные последствия для разведчиков. А сейчас вскочившего офицера в темноте при дороге не увидели, а крикнуть кляп не даёт. Да и крикнул бы, в рёве множества моторов кто бы его услышал? Только часа через три, когда в горле уже першило от выхлопных газов, выпало окно. Одна колонна прошла, а другая ещё далеко, едва свет фар виден. Дорогу дружно перебежали и вперёд мчались, пока немец не упал. Дыхалка его подвела. Оно понятно, возможность дышать у пленного только носом, тяжело, воздуха не хватает. Зато до утра, судя по карте, пятнадцать-двадцать километров прошли, отдых устроили. Впереди самый опасный участок. Уже выстрелы пушек слышны, до передовой пять – семь километров.

Лежать на лёжке придётся до ночи. Днём только сумасшедший рискнёт идти. Илья, чтобы освободить себе руки, ножом проделал в бауле дырки, пропустил через них верёвку, сделав нечто вроде лямок, надел. А полупустой сидор пришлось на грудь нацепить. Попрыгал, потом попробовал ползти. Получалось плохо. Гранаты из сидора в карманы брюк определил, похудевший сидор скомкал, определил в баул. Так и идти можно и ползти не мешает. Бумаг в бауле много, пожалуй – в сидор не поместятся. Сидор нести удобнее было бы, лямки широкие, удобные, только выбирать не приходилось. Илья готов был терпеть, знать бы только, насколько ценны эти бумаги?

Как стемнело, двинулись в путь. Удалось просочиться через вторую линию траншей, а у первой застряли. То один ракетчик, то другой осветительные ракеты пускает, на нейтралке светло от висящих на парашютиках осветительных ракет. И чего фрицам неймётся? Часа два терпеливо ждали, пока ракетчики утихомирились. Пока они стреляли, Илья высмотрел ДОТ с дежурными пулемётчиками. Плохо, что переходить приходится не на участке, где своя дивизия стоит. Что на нейтралке – неизвестно. В первую очередь тревожили минные поля, проволочные заграждения, особенно спирали Бруно. Обычную колючку можно приподнять, под ней проползти, со спиралью такое не пройдёт, её резать надо, а кусачек нет. А ещё немец беспокоил. Как бы пакость не учудил. Если крикнуть не может из-за кляпа во рту, вполне другую гадость учинит. Илья предупредил Андреева.

– Если фашист попыбует шумнуть при переходе траншеи, прирежь его. Мне свои разведчики дороже немца.

Кивнул Андреев, должен исполнить. Сами траншею миновали и немца на руках перетащили. Теперь у него выхода нет. Если вздумает себя обнаружить, то пулемётчик убьёт всех – и разведчиков и его. А пленный жизнь ценил, как все западники. Если для советских людей плен – это позор, то для немцев, французов, поляков – способ выжить, вроде врага перехитрили, сохранили себя для будущей жизни.

Колючка была, но и её миновали, потом ещё ряд. От траншеи уже в полусотне метров были, как минное поле началось. Первым его обнаружил ефрейтор Семендяев, он дозорным полз. Руку поднял, предупреждая, в сторону подался. Остальные по его следам, буквально головой в подошвы сапог ефрейтора утыкались. Плотное поле поставили гитлеровцы. В шахматном порядке противопехотные, самые опасные для разведчиков, и противотанковые. Но поди в темноте разбери, что под еле заметным бугорком, какая мина притаилась. Времени на преодоление минного заграждения ушло много, на часах у Ильи уже три. Через сорок пять минут светать начнёт. Очень желательно за это время до своих добраться. Когда минное поле закончилось, Илья решил рискнуть. Подурному он никогда не рисковал, расчёт был. В наступлении наши минных полей не ставили. Единственно – была опасность нарваться на огонь от своих. Перед предстоящим наступлением войска получили пополнение – молодых, необстрелянных. Окажется такой боец в дозоре, с перепугу может очередь дать, а потом уже окликнуть. Бывали такие случаи. Однако в разведке риск на каждом шагу.

– Поднялись, – скомандовал Илья. – Семендяев, под ноги смотри.

Идти во весь рост куда сподручнее и быстрее, чем ползти. По прикидкам Ильи до немецких позиций уже метров шестьсот – семьсот дистанции. Трудно оценить расстояние ночью, да ещё передвигаясь ползком. Илья судил по тому, что сюда уже не долетал свет осветительных ракет. Вдруг сильный удар в спину, рядом вскрикнул Андреев, упал. И только тогда послышалась далёкая пулемётная очередь. Дежурный пулемётчик дал очередь, не видя цели, наугад. Илья к своим ощущениям прислушался – нигде не болит.

– Кто ранен? Андреев?

– Вроде зацепило в плечо.

- Семендяев! Жив?

- Цел.

- Перевяжи Андреева. А немец?

- Вроде жив.

Илья поднялся на четвереньки, подобрался к немцу. Лежит на животе, дышит. Илья кляп из рта у пленного вытащил.

- Алес гут?

Откуда и слова вспомнил.

- Гут! - отозвался фриц.

Тоже понял, что смерть рядом прошла. Получалось - Андреев своим телом прикрыл пленного от пули. Разведчика уже Семендяев перебинтовал, повязка поверх рукава гимнастёрки сразу тёмным окрасилась.

- Парни, вперёд, через пятнадцать минут светает. За пленным я сам присмотрю. Семендяев - помоги товарищу.

И в это время радист голос подал.

- Похоже, мне в рацию попали.

- Скажи спасибо, что сам жив. А железяку новую сделают.

Уже минут через десять дозор их окрикнул.

- Стоять! Пароль! Кто такие?

- Свои, разведка. Раненый у нас и «язык».

– Стоять на месте!

Часовой свистком сигнал подал, из траншеи выбрался начальник караула. Видно его ещё не было, по звукам определили.

– Чего тут у вас?

– Говорят – наши разведчики, товарищ старшина.

– За мной в траншею! Вот-вот рассветёт.

Быстрым шагом к траншее, спрыгнули, а на востоке уже небо сереет, светлая полоса появилась, горизонт обозначив. К раненому Андрееву вызвали санитаря, разведчику сделали укол и отправили на полковой медицинский пункт. Семендяев сказал Илье:

– Старшина, похоже – ты везунчик. У тебя на бауле две дырки от пуль.

Илья верёвочные лямки снял, баул осмотрел. Точно, две пробоины, через которые белеет бумага. Расстегнул баул, одна папка с бумагами пробита насквозь, вторая и ещё несколько листов. Можно сказать – повезло. Впрочем, не ему одному. Радист из сидора рацию достал. В ней пулевая пробоина и внутри что-то брякает. Похоже – под списание рация пойдёт. Но вообще отделались легко.

Часа через два уже к штабу полка, куда их привели, пришёл грузовик, их отвезли в свою дивизию. Пленный оказался «языком» очень ценным. По званию не велик, зато должность – шифровальщик штаба 246-й пехотной дивизии. Через него проходили все секретные приказы и донесения. Много интересного было в бумагах из баула, не зря Илья нёс.

Из рук начальника штаба все участники рейда получили награды – медали «За боевые заслуги». В сорок четвёртом году награды давать уже не жалось, как в сорок первом – сорок втором годах, и многие военнослужащие носили на груди ордена и медали. За ордена ещё и деньги приплачивали. Невеликие, но почти всё денежное содержание переводили родным в тыл, всё поддержка. На продукты по талонам выжить сложно, а на базарах с началом войны цены на

продукты взлетели в несколько раз и переводы с фронта здорово выручали. Причём платили и за подбитую немецкую технику – танки, самоходки.

Участникам поиска дали несколько дней отдыха, заслужили. Шифровальщик оказался настолько ценным, что его отвезли в разведотдел третьего Белорусского фронта.

Полностью провести в безделье отпущенные дни не удалось. Утром разведроту подняли по тревоге. Ночью службы ВНОС засекли немецкий транспортник Ю-52, который возвращался к своим из нашего тыла. Что делать транспортнику, машине не боевой, над нашей территорией? Ответ очевидный – сбросить парашютистов. Из-за болотистой местности найти подходящую посадочную площадку сложно. А сбросить на парашютах груз или группу диверсантов, разведчиков, это запросто. Ближний тыл действующей армии охраняли СМЕРШ, НКВД, войска по охране тыла, состоящие из бывших пограничников. Район предполагаемой выброски велик, и войск, чтобы его оцепить и прочесать, требуется много. И наши летчики, и немцы после сорок первого года приобрели опыт. Раньше как было? Сбросили пилоты в заданном районе парашютистов и разворачивались назад, тем самым фактически обозначая для наблюдателей место десантирования. Затем хитрить стали, после потерь. Самолёт пролетал вперёд, начинал возвращаться, причём не по прямой, а ломаным маршрутом. И где он сбросил груз или РДГ, непонятно. Радиолокаторов не было, за исключением единичных, наземного базирования. Потому истребители по ночам не летали и тихоходные транспортники, вроде нашего ЛИ-2 или немецкого Ю-52, чувствовали себя в ночных полётах спокойно. Днём истребители противника или зенитная служба шансов выполнить задание практически не давали.

Перед наступлением, когда производилась перегруппировка войск, их усиление, переброска резервов, даже одна разведгруппа в тылу могла привести к большим потерям. Потому батальоны НКВД и войск по охране тыла в срочном порядке на грузовиках выдвинули к районам сброса. Их задачей было оцепить, не дать выйти за пределы кольца, прочесать, обнаружить и уничтожить. А разведчиков подняли по тревоге попробовать отыскать место посадки или следы передвижения. Кто, как не разведчики, мыслят и действуют одинаково? Каждому отделению был придан офицер СМЕРШа, грузовик из автобата. Грузовики не чета полуторкам начала войны, добротные ленд-лизские «Студебеккеры». Главное достоинство – проходимость, ибо все мосты ведущие, а ещё грузоподъёмность вдвое выше, чем у ГАЗ-АА.

Пожалуй, только офицеры СМЕРШа знали границы предполагаемого района высадки, да и то неточно. Отделение Ильи высадили у деревни Мальково. Лейтенант поставил задачу.

– Рассыпаться цепью, дистанция между бойцами пять метров, идти в направлении Жаденово.

Лейтенант махнул рукой, показывая направление.

– Искать свежие следы, возможно – прикопанные парашюты, грузы. При обнаружении ничего не трогать, поставить в известность меня. Выполнять! Старшина, командуй.

Это уже приказ Илье, по званию он один старшина в отделении. Сам лейтенант остался у грузовика, закурил папиросу. Илье лейтенант не понравился. Да не о внешнем виде речь, а об отношении к делу. Радеющий за дело командир идёт с подчинёнными, могут возникнуть осложнения, вопросы, их надо оперативно решать. Конечно, удобнее и проще посидеть в кабине, перекурить.

Илья приказал построиться цепью, внимательно осматривать землю. Разведчики знали, что требовалось – примятая трава, глубокие следы на земле, какие бывают при приземлении с парашютом, свежие окурки. Но если была заброшена группа подготовленных разведчиков или диверсантов, следов не будет. Немцы не дураки разбрасываться окурками, пустыми консервными банками, целлофановой упаковкой от сала, бумажными пакетами из-под галет. Скорее всего, даже сломанной ветки на кустах не оставят. Однако бывает и на старуху проруха, как говорит пословица. Около часа шли от Мальково к Жаденово, ничего достойного внимания не обнаружили. Окурки от самокруток были, уже твёрдые, не первосуточной давности, да и пахли махоркой ядрёной, самосадом. Немцы такое не курили, да если и не немцы были, а завербованные русские, курили они сигареты.

В Жаденово Илья и разведчики жителей по-быстрому опросили – не видели ли посторонних? Таких не оказалось, и отделение двинулось назад, осматривая уже другую полосу, немного южнее. Глазастый татарин Сейфулин первым узрел, что осока у ручья примята, Илье рукой показал. В армии кто инициативу проявил, тот её исполняет.

– Посмотри, – распорядился Илья.

Не хотелось Сейфулину в воду лезть, но пришлось. И глубина небольшая, по колено, а дно топкое, и вода через голенища в сапоги залилась. Но неудобства стоили обнаруженной находки. Из воды Сейфулин достал парашют, скомканный, внутри камень для веса, чтобы шёлк не всплыл.

– Ещё поищи.

Парашют мог быть не единственным. Так и оказалось. В двадцати метрах обнаружился ещё один, а главное – след. Чёткий, хороший отпечаток на влажной земле и отпечаток этот был от советских армейских ботинок.

– Долгошеев, бегом к грузовику, доложишь, что наши обнаружили два парашюта. Хорошо бы сюда собаку с проводником. Иванюта – останешься здесь, будешь парашюты охранять. Мы попробуем отыскать следы.

Илья в первую очередь карту открыл. Если это разведчики, то попытаются побыстрее и подальше скрыться от места выброски. И куда бы он сам направился? А курсом сто восемьдесят, почти напрямиком на юг, там станция Редьки. Конечно, пассажирские поезда там пассажиров не ждут, это к бабке не ходи. Но воинские эшелоны каждую ночь подходят, выгружается техника, личный состав. Назад теплушки и платформы пустые идут. Кто хочет, может забраться и ищи свищи потом на бескрайних просторах Союза, особенно если документы добротные. Немцы, впрочем, как и наша разведка, опыт приобрели. Липовые документы в типографиях не печатали. Брали у убитых или захватывали трофеями в военкоматах, отделениях милиции. Проще тщательно вклеить фото в настоящие документы, печать приложить, чем делать стопроцентную «липу».

И в первую очередь надо бежать к этой станции, она ближе всего к месту выброски. Вполне может быть, что на станции уже СМЕРШевцы, военные патрули от военного коменданта станции. Но у разведчиков зацепка есть – армейские ботинки на одном из парашютистов. Для гражданских лиц в войну это редкость. Чаще носили сапоги, наши или немецкие, а то и вовсе непонятного вида самоделки из автомобильных покрышек. А бывало, доставали неведомыми путями ленд-лизские американские ботинки на толстой рубчатой подошве. Везение страшное, поскольку крепкие были, ноские, не промокали, предмет

зависти окружающих.

Отделение разведчиков недоукомплектованное было, всего семеро. А теперь Долгошеев к грузовику побежал, а Иванюта парашюты стережёт. Пятеро всего и остались под командованием старшины.

– За мной, бегом, марш!

Если отделение поможет парашютистов задержать на станции, всё обойдётся. А если Илья ошибся, парашютистов там нет, то светит старшине штрафбат. Пока бежали, Илью мрачные мысли посещали. Да ещё отделение растягиваться начало. Ходить на большие дистанции разведчикам не привыкать, а бежать – не у всех новых дышалки хватает. Да и то – не мальчишки, одному только двадцать, трём под тридцать и одному сороковник. Какие с них бегуны на длинные дистанции? По приблизительным прикидкам до станции двадцать километров, так это по прямой. С оврагами, болотами ещё больше. К тому же парашютисты имеют фору в четыре часа, а может, и больше, ведь самолёт засекали уже на обратном пути, когда он летел на запад.

За полчаса добежали до деревни Выходцы, когда сзади послышался шум автомобильного мотора. Из окна кабины высунулся лейтенант.

– Быстро в машину!

Минута, и отделение уже в кузове, дышит шумно, переводя дух. В кузове оба разведчика – Долгошеев и Иванюта, тут же, в углу – два мокрых парашюта. Дорога от Выходцев шла на Озеры, потом Шени, а дальше развилка. Влево на Гичи, вправо на Петрики. А напрямую, к Редькам, пути нет. Если только пешком и то осторожно, местность болотистая, луг. И грузовик не пройдёт, даже такой, как «Студебеккер», потому как из-под колёс даже на грунтовой дороге коричневая жижа выступает. Лейтенант Илью подозвал:

– Бери троих и к станции. Я попробую в объезд. Задерживай всех подозрительных. Если что, иди к коменданту.

– Слушаюсь.

Пока ехали, отдышались. Илья уже приметил хороших бегунов, их и вызвал. Благо от развилки дорог до станции по прямой пять километров всего. Только бежать по болотистому, кочковатому лугу тяжело. То сапоги уходят в землю, то спотыкаешься на кочках. Но всё же успели быстрее, чем лейтенант на «Студере». На станции народу полно. Рано утром воинский эшелон пришёл, выгрузился, но полностью подразделение станцию не покинуло. Да ещё гражданские болтаются. Кто-то продукты продать хочет – варёную картошку, которую белорусы бульбой называют, сало солёное, даже самогон исподтишка. Другие хотят уехать, подальше от боевых действий. Илья с разведчиками по перрону пошёл. Взгляд на лицо, на ноги – в чём обут?

Прошли в одну сторону, назад. Нет похожей обуви! Или ошибся Илья в своих предположениях, либо парашютисты станцию уже успели покинуть. Чего скрывать – настроение упало. Вроде по следу шли, оказалось – обмишурились. Илья в душе крыл себя последними словами. Ведь он офицер Росгвардии, его учили обезвреживать террористов и прочих нехороших людей. Что лейтенант СМЕРШа? У него краткосрочные курсы, а опыта, вполне вероятно, как кот наплакал.

Вдруг слышались команды, военнослужащие покинули станцию, построились в колонну и пешком отправились к передовой. Перрон и маленький вокзал сразу опустели, каждый человек сразу заметен стал. К разведчикам офицер и два бойца направились. Офицер разведчиков оглядел внимательно.

– Кто такие? Документы!

– Это можно.

– Старшина, как разговариваете со старшим по званию? И почему имеете холодное оружие?

– Мы из разведроты дивизии.

Илья протянул документы. В это время к ним быстрым шагом подошёл лейтенант-смершевец.

– Отставить проверку!

И предъявил свою красную книжку. Удостоверения НКВД или СМЕРШ действовали магически. Никто из офицеров или солдат не хотел неприятностей. Что наркомат внутренних дел известен работой с доносами, репрессиями, что управление контрразведки СМЕРШ обладало огромными полномочиями, почти не уступая в могуществе НКВД.

Проверяющий документы оказался военным комендантом станции. Затрапезная до войны станция сейчас была востребована и загружена, как никогда. Лейтенант из службы военных сообщений сразу вытянулся, ожидая приказаний.

- Старшина, расскажите патрулю особую примету.

- На одном из подозреваемых армейские ботинки, размер сорок второй, слегка поношены. Имеют при себе груз - вещмешок или чемодан, - выдал Илья.

У обоих офицеров глаза округлились. Смершевец приказал.

- Ну-ка, поясни.

- След от ботинка, по размеру точно такой, как у меня, сорок второй. Однако отпечаток ботинка значительно глубже. Значит - обладатель ботинка или человек толстый, либо груз несёт. Дородным он быть не может, что-то не видел я никогда в разведке толстяков. Остаётся груз.

- Надо же, как разложил! Прямо Фенимор Купер! - восхитился комендант.

- Это кто такой будет? - спросил смершевец.

- Из книги герой, - махнул рукой комендант.

- Значит, ищите двух человек, мужчины с грузом, у одного на ногах армейские ботинки.

- Так точно, запомнили.

- Проводи-ка меня, лейтенант, к телефону, - попросил смершевец.

– У нас он железнодорожный, – предупредил комендант.

– Через коммутатор соединят, – отмахнулся контрразведчик.

Когда офицеры ушли к зданию вокзала, Иванюта спросил.

– Про обувь и груз сейчас придумал или тогда у ручья понял?

– А тебе зачем? Был бы наблюдательнее чуток, сам догадался.

Иванюта засопел обиженно. А чего обижаться? Кто след видел, сами могли выводы сделать. Немного анализа и никаких сверхспособностей. Смершевец вернулся через четверть часа.

– К машине, приказано следовать в Застенки.

М-да, весёленькое название у деревни. Воины уселись в кузов. Ехать, это всегда лучше, чем идти. Илья на часы посмотрел. С предполагаемого момента выброски прошло уже пять часов, а то и больше. Любой парашютист, приземлившись в тылу врага, постарается как можно скорее покинуть район высадки. Судя по времени, эти двое уже далеко и искать их надо уже в наших дальних тылах.

Бойцы уселись на откидных скамейках в кузове «Студебеккера». Кузов брезентом крытый, при движении не так дует. Проехать успели километра три, когда грузовик резко остановился. И тут же окрик смершевца.

– Ваши документы!

В ответ несколько pistolетных выстрелов.

– Оружие к бою, всем из машины! – приказал Илья.

В кузове их перестреляют, как куропаток. Появление солдат стало для стреляющих неожиданностью. Долгошеев первым вскинул автомат, даже успел дать короткую очередь, убив одного мужчину. Илья тут же закричал:

– По ногам! Живым взять надо!

Второй парашютист стал палить из пистолета, ранив двоих разведчиков. Илья, укрываясь за бортом «Студера», выстрелил из автомата одиночным в правое плечо мужчины. Почти одновременно кто-то из разведчиков выстрелил в ногу. Парашютист упал. К нему рванулись сразу двое, навалились, выбили оружие из рук. Мужчина орать стал от боли, так как разведчики не церемонились. Если бы не приказ старшины, изрешетили бы. И так убитых двое – водитель грузовика и лейтенант-смершевец, да ещё ранено двое разведчиков. Раненого парашютиста перевернули на живот, завернули руки за спину, связали. Потом перевязали индивидуальными пакетами ранения. Задержанного надо доставить в штаб, успеть допросить, пока он не истёк кровью. У парашютистов наверняка было задание и не исключено, что шли в наш тыл на встречу с агентурой. Вот что было важно узнать. Илья подошёл к убитому агенту, осмотрел. Да, он не ошибся в предположениях. На ногах армейские ботинки сорок второго размера. Сам худой, рост средний, зато вещмешок большой. Илья повернул труп на бок, снял лямки, поставил вещмешок на землю, развязал горловину. Сверху поношенная одежда, под ней хлеб, мясные консервы, причём советского производства, а глубже – сухие батареи для радиостанции, два комплекта. Оттого вещмешок тяжёлый, килограммов двадцать – двадцать пять. Убитого не обыскали, пусть СМЕРШ делает. А раненого Илья обыскал. Из кармана складной нож достал, запасную обойму к «Вальтеру», документы, пачку советских денег.

– Всех в кузов грузовика.

Сначала в «Студер» погрузили водителя и лейтенанта СМЕРШа, потом убитого парашютиста, затем уже раненого связника. В вещмешке рации не было, значит – батареи несли радисту. А над радистом всегда командир есть. Уже какая-то агентура вырисовывается. Из наших разведчиков тяжёлых ранений не получил никто, всех перевязали. И первым делом Илья решил ехать в штаб дивизии. Если в СМЕРШ, то заставят бумаги писать, а потом придётся пешком топтать в дивизию. Сам за руль уселся, рядом с ним Сейфулин с автоматом наизготовку. Минут сорок по скверной дороге выбирались. «Студер» раскачивало на корягах и ямах, как корабль в штормовую погоду. Оказалось – их группу уже искали. Смершевец со станции телефонировал, а потом пропал. Была бы рация в группе, было бы проще, но всё проклятая спешка. Да и не насытились пока войска рациями должным образом.

Парашютиста сразу на допрос, а разведчики – писать, что произошло. Да ещё старлей из СМЕРШа допытывался, кто в вещмешок лазал и зачем?

Глава 2. В чужом тылу

Лавры за поимку немецких агентов достались ГУКР СМЕРШ, некоторые офицеры даже ордена получили за задержание. Всё же захватили парашютистов быстро, за шесть часов. Отделение разведчиков осталось не при делах, ибо участвовали уже на конечной стадии операции, при захвате с огневым контактом. К тому же в отделении даже погибших не было, только двое раненых. Если учесть, что в отделении всего семеро было, то боеспособными только половина от штата. Но на это обстоятельство никто не смотрел, отделение должно выполнять свои задачи, тем более командир разведроты и начальник разведотдела считали отделение удачливым. На фронте удача способствовала не всем, но везунчики были, причём выигрыш крупный, на кону – жизнь. Сам же Илья везунчиком себя не считал. Если человек подготовлен хорошо, осторожен, ситуацию анализирует и выводы правильные делает, тогда всё получается, окружающие считают – повезло! Человек почти всегда сам делает свою судьбу. Почти, потому что на войне не всё можно предусмотреть, ту же шальную пулю на излёте или авиабомбу, сброшенную лётчиком не прицельно. Немецкие пилоты бомбардировщиков или штурмовиков в случае атаки советских истребителей сбрасывали бомбовый груз в любом месте и разворачивались на свои аэродромы. Облегчённый самолёт и скорость выше развивал и при попадании пули или снаряда не взрывался. Ведь бомбардировщик – это как пороховая бочка. Впрочем, на фронте безопасных мест нет по определению.

Как везунчика Илью отправили в поиск. Понятное дело – не одного, всем отделением в четыре человека. Штабам как воздух требовались свежие разведданные. Разведка – глаза и уши штаба, без неё нельзя спланировать наступление, переброску войск. А штаб – мозг армии.

Было у Ильи нехорошее предчувствие перед выходом в поиск. Некое шестое чувство, интуиция. Вроде на немецкой передовой все огневые точки изучил, удобные места для перехода, а тревожно на душе и в животе пустота. Сапоги немецкие, маскировочные костюмы наши, как и автоматы – ППШ. Немцы наше неприхотливое оружие оценили. Бьёт дальше, чем МР 38/40, не так чувствителен

к грязи. И потому немцы на передовой часто использовали трофейные автоматы, ими не брезговали даже в СС.

Перебрались через линию фронта удачно, а потом ходу. Неприятности, поначалу мелкие, начались сразу. В нескольких километрах от немецкой передовой вляпались в болото, где Иванюту едва не засосало, отделались потерянным сапогом. Без сапога идти плохо, ногу до крови собьёшь и тогда разведчик не боец и не ходок. На первое время обмотал Иванюта ногу запасными портянками, своими и отданными товарищами. Вроде мелочь – сапог, а всё задание вполне сорвать может. Потому Илья, как командир группы, задумался – как обуть бойца. Только выбора нет, вариант один – убить немца и сапоги с него снять. На первый взгляд – просто. Но у немца может быть не сорок третий размер, как у Иванюты, а тридцать девятый. Ведь не подойдёшь и не спросишь размер обуви. И тогда придётся рисковать ещё раз.

Подобрались к деревне. Не «языка» взять, это ближний тыл, на постое в избах обычно пехота, толку с неё как с «языков» – никакого. Часовые у немцев есть всегда, службу несут ревностно, дисциплина и исполнительность у германцев в крови, в отличие от русского «авось». Сейфулин среди разведчиков ножи метал лучше всех, и на поясе у него были сразу два ножа, причём абсолютно одинаковых, взятых трофеями. Смешно и нелепо, часовой должен умереть из-за сапога.

– Сейф, ползи к деревне, убей фрица, сними сапоги и сюда. Но не меньше сорок второго размера.

– Старшина, я же не в каптёрке выбирать буду! – прошипел Сейфулин. – Сам сапог потерял, сам пусть идёт. Почему-то никто в группе больше сапог не потерял!

– Исполняй.

Боец исчез в темноте. Время тянулось медленно, Илья нервничать начал. Пока темно, надо дальше идти, а сейчас непредвиденная заминка. Но если бы Сейфулин действовал неудачно, в деревне уже тревогу подняли. Боец появился через полчаса, если не больше. Через плечо пара сапог, связанных за ушки верёвкой.

– Держи, обувайся, с тебя магарыч.

Иванюта сапог натянул, прошёлся, топнул.

– В самый раз.

Илья свою запасную портянку отдал. В мокрых или грязных идти нельзя, натрёшь стопу до кровавых мозолей. Иванюта сапог снял, портянки перемотал, снова обулся.

– Во, другое дело!

Пошли дальше. Иванюта Сейфулина спросил:

– Ты зачем два сапога принёс? Мне только правый нужен был.

– На всякий случай.

С учётом заминки для добычи сапог за ночь удалось пройти в немецкие тылы на пятнадцать километров. Скромно, серьёзные штабы и вероятные «языки» расположены дальше, во второй, третьей линии обороны. А в первой линии – «пушечное мясо». В РККА и вторая линия была в конце войны не всегда, в сорок первом – втором годах об эшелонированной обороне знали только теоретически, мечтали об этих временах.

С рассветом устроились на днёвку, подхарчились. А как рассвело, увидели недалеко, в полукилометре, расположение штурмовых орудий. Под маскировочной сеткой, среди деревьев, с воздуха почти неразличимые. Подсчитали с биноклем, получалось – полк. Илья расположение сразу на карту нанёс. Самоходчики толком поспать не дали, то двигатели ревели, видимо, регулировали, то рота Stug III совсем рядом проехала, обдав бензиновым чадом. Словом – беспокойные соседи оказались.

Южнее от лёжки разведчиков, в пяти километрах, Орша расположена. Город по белорусским меркам крупный, а ещё узел шоссейных и железных дорог. Но в город разведчикам ходу нет, там действует городское подполье, имеет связь со штабом партизанского движения.

Лёжку покинули в темноте, обойдя стороной полк штурмовых орудий. Илья маршрут ещё в расположении своей роты проложил, днём скорректировал по обстановке. Самые большие затруднения при передвижении, это болота и реки. По болоту даже днём идти рискованно без проводника, а ночью и проводник не пойдёт, если голова на плечах есть.

Судя по карте, от Орши на запад идёт дорога на Минск, на северо-запад на Лепель. И болот здесь нет. Немцы болот не любили, боялись. Техника не пройдёт, комары донимают. Обустроивались германские войска на сухой земле, комфорт любили. Вообще-то правильно, людей беречь надо. Наши военачальники научились ценить личный состав только к концу сорок третьего. Опыт пришёл и достаток боеприпасов. Не шли в лоб на пулемёты, а наносили пушечным или гаубичным огнём удар по противнику, ровняли на его позициях всё с землёй, а уж затем в атаку шли. В немалой степени пренебрежение людьми шло от старых большевиков – Будённого, Тимошенко. Война стала мобильной, а они жили старыми представлениями, посылали конницу в атаку на немецкие танки.

Илья вёл группу по компасу, точно 270 градусов, и меньше чем через час вывел разведчиков к шоссе Орша – Лепель. По дороге как раз двигалась колонна грузовиков. Дорогу не пересекали, шли параллельно ей до какого-то хутора. Если дорогу перейти, в случае взятия «языка» и возможного преследования дорогу будут патрулировать в первую очередь, и она может оказаться крышкой ловушки. А вот хутор мог дать результаты. Не любили немцы ночевать под открытым небом, старались в избе или землянке обустроиться. Солдаты ещё спали в крытых кузовах, на марше бывало, а офицеры в избе, всё же белая кость.

У хутора несколько полугусеничных тягачей с пушками на прицепе, часовой не спеша прохаживается. На хуторе три избы и хозпостройки, вроде сарая, коровника, дровяника. Илья решил выбрать хорошую лёжку в лесу рядом с хутором, понаблюдать. Сейчас в избах артиллерийская батарея, и брать «языка», даже будь он офицером, бесполезно. Велик ли круг секретов командира батареи? Если только для галочки, формальность соблюсти. Но кому такой язык нужен? Разведгруппу снова пошлют в немецкий тыл, снова риск, ведь опаснее всего перейти передовую, особенно с «языком».

Утром батарея уехала. Хутор оказался обитаем, Илья в бинокль увидел старика, который пытался поправить плетень, сломанный тягачом. Сколько ни наблюдал,

других жителей не увидел. Рискнул, перебежал к хутору и к избе. Тишина, разговоров в избе не слышно. Толкнул дверь – не заперта, вошёл. Оружие на вид не выставлял. «Папаша», как называли автомат ППШ фронтовики, за спиной висел. Пистолет в расстёгнутой кобуре, можно выхватить мгновенно, патрон уже в стволе, и с предохранителя снять. Огонь в случае опасности открыть можно почти мгновенно, с самовзвода, ибо пистолет – трофейный «Вальтер РР». В избе оказался дед, один-одинёшенек. И хуторянин незнакомца не испугался.

– Добрый день, деда! – поздоровался Илья.

Дед прищурился, пытаясь разглядеть, кто зашёл. В его возрасте очки нужны, да где их взять на оккупированной территории? У кого они были, берегли как зеницу ока.

– И тебе не хворать, хлопчик!

Нейтрально ответил, видимо, жизнь в оккупации многому научила. Рисковали оба, встреча могла закончиться трагедией. Дед опасался провокаций со стороны полицаев. Да и как знать, кто вошёл? Илья тоже не торопился карты открывать. Нагрянут немцы, дед может выдать. Тогда группу обложат и будут гнать, как зверя на охоте. И долго рассиживаться нельзя. Немцы к хутору, видимому с дороги, свернут в любой момент. Решился Илья.

– Вы меня не опасайтесь, я русский разведчик.

Дед подошёл поближе, всмотрелся в форму. В сорок четвёртом она была уже не такой, как в сорок первом – втором. Гимнастёрка изменилась, в частности воротник, погоны появились, которые ещё в 1917 году отменили. Дескать – наследие царизма, золотопогонников. А вернулись погоны и звания генералов и адмиралов, а ещё командиров офицерами называть стали.

– Это что же, погоны появились в Красной Армии?

– Полтора года как.

– И кто же ты по званию, хлопчик?

- Старшина.

На погонах широкая буква «Т».

- Наверде ранешнего фельдфебеля, - сделал вывод дед.

На вид ему далеко за семьдесят, волосы седые на голове и бороде, лицо в многочисленных морщинах.

- А далеко ли Красная Армия?

- В полусотне километров, два дня пути пешком, - ответил Илья.

- Стало быть - дождусь, - твёрдо заявил дед. - Что от меня нужно? Если воевать, так зрение у меня скверное.

- Воевать найдётся кому. На хуторе, кроме вас, ещё кто-нибудь живёт?

- Один я остался. В другой избе сын жил. В начале войны ушёл по повестке в армию, а через несколько дней германцы пришли. Я от него ни одного письма не получил. Невестка с дитём тоже ушла, сказала - в эвакуацию. В третьей избе бабка Авдотья жила, о прошлом годе померла, так я её на задах схоронил, в огороде.

- Немцы на постой часто останавливаются?

- Каждый день почти. Злые и шнапс пьют. А ещё требуют - млеко дай, яйки! Откель им взяться, если живности нет?

- Помочь бы нам, деда. Присмотри, в какой избе офицер остановится, да сигнал дай.

- А тут и гадать не надо, всегда у меня останавливаются. У меня и печь топлена, харчи приготовить, и духом человеческим пахнет. Другие избы побольше, как раз для солдатни хорошо, больше набьются.

- Собак у тебя, деда, нет, как я заметил.
- Жучку ещё в сорок первом немцы застрелили.
- Немцы двери изнутри запирают?
- Никогда, а часовой на крыльце стоит, это да.
- Родня-то поблизости есть?
- Ты чего удумал? Хутор вместе с германцами сжечь?
- Нет. Офицера в плен взять, «Языком». Допросить. Да как бы тебе плохо не было потом.
- Обойдётся, - отмахнулся дед. - Вы пару синяков поставьте, да свяжите меня.

Илья сомневался, что немцы поверят в спектакль, но особого выбора не было. На его взгляд, деду бы лучше уйти на недельку к родне, потому как скоро начнётся наступление Красной Армии и немцам станет не до деда. Не исключено, что эту конкретно местность уже раньше освободят. Когда точно начнётся операция «Багратион», Илья не знал. Кто об этом скажет старшине? А только солдат не обманешь. Видели, как подтягиваются войска к передовой, пополняются склады. Да и разведка РККА заметно активизировалась, как всегда бывало перед наступлением.

Выяснив всё, Илья в сопровождении деда обошёл хуторские постройки – избы и сараи, наметил пути подхода и отхода, чтобы ночью проще было. Затруднить отход может любая неучтённая деталь – ручей, забор из плетня, натянутые верёвки для сушки белья.

Рисковал Илья, конечно. По всем наставлениям на территории противника разведгруппа должна передвигаться скрытно. А если посторонний человек заметил группу, его следовало убить. Жестоко, но правила написаны кровью погибших бойцов. Этот случайный свидетель мог оказаться полицаем, немецким старостой, а то и просто врагом советской власти, который донесёт немцам. Но как действовать во вражеском тылу без поддержки своих? Без содействия не

было бы партизанского движения, армейские разведгруппы глубинной разведки не смогли бы добыть важных сведений. Илья не был сторонником тотальной подозрительности, как и наивным простачком. Действовать надо по обстоятельствам.

Вернулся к группе, а там уже волноваться стали, слишком долго Илья отсутствовал на хуторе.

Днём разведчики отсыпались, отдыхали, ели. Если удастся взять «языка», на что все надеялись, отдыхать не придётся. Чтобы оторваться от вероятного преследования, придётся идти быстро, сбивать со следа. И хорошо бы иметь фору по времени, хотя бы два-три часа. Илья уже и пути отхода наметил. На юг идти, обойдя Оршу и повернуть на восток нельзя. Там полно дорог и нет болот и вместо лесных массивов лишь рощи. Если от хутора взять на северо-восток, единственным препятствием будут железная и автомобильная дороги Орша – Витебск, они охранялись. А перейди их, и начинаются леса и болота. На железной дороге через каждые сто метров солдаты из охранных или полицейских батальонов, да дрезины с пулемётами проезжают. Сложно, но проскочить можно. На шоссейных дорогах заставы были только на мостах, их подрыв может на время парализовать движение.

И основной путь отхода наметил, и запасной. Ближе к вечеру, ещё всё видно было, к хутору свернули с дороги две легковые машины и грузовик. Из кузова солдаты выпрыгнули, хутор обошли, затем из легковых машин выбрались два офицера. Как и сказал дед, зашли в его избу. Солдаты, числом с отделение, расположились в избе по соседству, тут же выставили часового. Солдаты явно фронтовики, это Илья понял, когда фельдфебель часового на пост ставил – очень грамотно. Часовой подходит к хутору контролирует и при обстреле укрыться может – с двух сторон стены изб, с третьей – сруб колодца. Доведись до Ильи, он бы поставил часового именно там.

Офицеры, как вошли в избу, больше не показывались. Илья наблюдал за хутором в бинокль, пока не стемнело. Как сумерки опустились, деда из избы выгнали, он устроился в сарае. А на крыльце избы второй часовой появился. У обоих карабины, стальные шлемы на голове. Для разведчиков это плохо, часового уже не вырубить ударом по голове. Обычно немцы носили каски только на передовой или на парадах. А хутор – дальний тыл. Или фронтовики настолько привыкли?

Часового на крыльце можно снять только броском ножа, да и то не факт, что разведчик успеет подскочить, придержать падающее тело. Если часовой грохнется, своим железом – карабином, шлемом, шуму создаст много. Да и часовой откормленный. Не толстый, таких на фронте Илья видел только среди интендантов в тылу, а крупный телосложением.

Илья подозвал Сейфулина:

– Снимешь ножом часового. Очень прошу – успеи придержать тело.

– Старшина, не учи бабушку лохматить волосы.

Разведчик оставил на лёжке сидор, он только мешать будет, уполз к хутору. Видны только два огонька – в окне избы, где остановились офицеры, и в окне, где солдаты. Свет явно аккумуляторный, сильный и ровный. Где находится Сейфулин – не видно в темноте.

– Иванюта, Шкода – выдвигаемся, Долгошеев – остаёшься на лёжке.

Илья пополз к хутору первым, за ним остальные. Сильно гроыхнуло, потом сверкнула молния. При ослепительном её свете Илья успел заметить, что на крыльце никого нет. Почти сразу после вспышки молнии пошёл дождь. И не дождь даже, а ливень. Разведчики вымокли мгновенно. Дождь – не помеха, помощник, поскольку стирает следы и собака-ищейка, самая лучшая, след не возьмёт. А ещё лишних людей не будет, под укрытие спрячутся все, часовые в том числе.

Сейфулин возник неожиданно.

– Всё чисто, командир! Немца я к сараю оттащил. Внутри не спят, я в окно заглянул, двое что-то на столе рассматривают.

Хуже некуда. Одного можно скрутить моментально, даже не пискнет. А двух – почти невозможно, стрелять-то нельзя.

Илье пришлось менять план на ходу.

- Шкода, лимонки при тебе или в сидоре на лёжке остались?

- Одна при мне, в кармане.

- Держи мою. Подберёшься ко второй избе, где солдатня. Сначала снимаешь часового, можешь стрелять. Сразу бросаешь гранаты в окно, одну за одной, затем избу зажигаешь, чтобы сюрприза не было.

- Понял.

У каждого разведчика, кроме ножа и автомата, есть трофейный пистолет. Им действовать сподручнее в такой обстановке. Илья, с ним Иванюта и Сейфулин поползли к избе. Надо занять позиции у двери, на крыльце. Как только Шкода выстрелит, действовать немедленно.

Уже у избы Илья отдал распоряжение:

- Первым я, вторым Иванюта, замыкает Сейф. Если офицеры за оружие схватятся, стрелять по рукам, ногам, но не на поражение. И без этого шума много будет.

Выстрел раздался неожиданно.

- Работаем!

Илья резко распахнул дверь левой рукой, в правой – пистолет. Офицеры ещё не осознали, что за выстрел был. Илья сразу выстрелил в потолок, выстрел оглушил. У офицеров – шок. И в это время рядом взрыв гранаты, за ним – второй.

- Хенде хох!

Офицеры медлили. Илья выстрелил в столешницу, отскочившая щепка зацепила офицеру щеку, оцарапала, вывела из ступора. Он поднял руки, глядя на него, так же поступил другой.

- Сейф, обыщи!

При захвате обыскивают первым делом для изъятия оружия – пистолета, ножа, чтобы обезопасить себя. Кители и ремни с кобурами висели на вешалке у кроватей. Сейфулин обыскал офицеров.

– Пусто.

– Вяжи им руки и не забудь про кляпы. Иванюта – присмотри за фрицами!

Сам стал осматривать комнату. Один портфель, второй. Открыл – обычный набор. Бритва, одеколон, одежная щётка, зубная щётка и жестянка с леденцами. А ещё папка с документами. Открыл – приказы, какая-то ведомость в виде таблицы. Немцы педанты, бумаг у них много. Причём зарегулирована каждая мелочь. Как-то помпотех показывал трофейный «Бюссинг» на потеху офицерам. Грузовик-то хороший, но к нему книга с инструкциями. Для примера, при проколе колеса. Пункт первый – остановить, пункт второй – заглушить двигатель. Пункт третий – поставить под колёса упоры, взяв их в ящике № 3 под кузовом с левой стороны. И так далее на сорок четыре пункта. Жуть! И бедный тот немецкий помпотех, ибо машин немецких разных марок в войсках полно, так ещё союзных хватает – чехословацких, итальянских, масса трофейной техники. Одних английских под Дюнкерком было взято более трёх тысяч, да ещё французские, датские, советские. Для каждой свои запчасти, свои зачастую инструменты.

Илья сгрёб со стола бумаги с машинописным текстом, с нацистскими орлами на печатях. Переводчики потом разберутся, стоящие бумаги или нет. Да и офицерам соврать нельзя, по бумагам понятна и должность и дальнейшие действия подразделения.

Все бумаги переложили в один портфель.

– Иванюта, давай за Долгошеевым, пусть бежит сюда с нашими сидорами. Сейф, посмотри, как там дела у Шкоды? Может, помочь надо.

А Шкода уже сам дверь в избу открывает, физиономия довольная. В левой руке немецкий солдатский ранец.

– Хлеб у немцев собрал и копчёную колбасу.

- Сгодится. Как обошлось?

- Лучше не бывает.

За спиной Шкоды возник дед.

- Это что делается? Ты же, ирод, говорил, что упрёте одного офицера! А побили всех германцев! Меня же повесят!

- По-другому не получалось! Ты прости, деда! Если есть, к кому уйти, отсидись неделю, дней десять. Потом немцам не до тебя будет, слово даю.

Дед отмяк.

- Когда вещички собирать?

- Мы через пять минут уйдём. Можешь собирать всё, что понравится – сапоги, ранцы, оружие. Это твои трофеи.

- Дык, зачем оно мне?

- Сапоги продашь с выгодой, как наши придут. Оружие – партизанам отдай, уважать будут.

И своим разведчикам:

- Выходим.

Ночь, дождь идёт, на дороге пустынно. Илья побаивался, что выстрелы и взрывы могли услышать. Поэтому чем быстрее они исчезнут, тем лучше. Подбежал Долгошеев с сидорами. Каждый забрал себе свой. Илья засунул портфель с бумагами в сидор, в портфеле дождь бумаги не зальёт, не испортит. Взгляд на грузовик упал. Это же прекрасная возможность оторваться! У легковушек проходимость хуже, особенно в непогоду, да и второй водитель нужен. Насколько он знал, его разведчики водить не умели. Илья распорядился грузить немцев в грузовик, сам в избу вернулся и к столу, под свет лампы. Карту свою достал, всмотрелся. От хутора можно через Коковчино, потом Яново, выехать к

Богушевску. Там железнодорожная станция, застава, проверки, потому грузовик перед городом в лес загнать или утопить в озере и курсом девяносто через Бабиновичи на Выходцы. Сэкономят сутки ходу или километров сорок. Главное – нет мостов с обязательными заставами, дороги просёлочные. Не исключено – развезло их после дождя, так пешком получится дольше, вымотаются. Офицеры – то пленные торопиться не будут, всю группу тормозить при возможности. А с грузовика, как с подводной лодки, им не деться никуда. Грузовик рядом с избой стоит, где гитлеровцы на ночлег устроились. В избе ни окон, ни дверей нет, выбило взрывной волной. А грузовик с виду цел, стёкла, фары. У грузовика разведчики и пленные офицеры. Им позволили кителя надеть, чтобы белыми исподними рубашками не отсвечивали.

– В грузовик всем, Сейф – в кабину.

– Я водить не умею.

– На место пассажира, рулить буду я. А ты приготовь автомат, не исключено, что придётся через заставы прорываться, хотя лучше бы обошлось.

Военная техника – грузовики, танки, бронетранспортёры, ключей зажигания не имеют, солдат их может утерять в бою, его могут ранить или убить.

Илья забрался в кабину, подсветил фонарём, нашёл тумблер зажигания, круглую педаль стартера на полу. Двигатель завёлся с пол-оборота. Илья вытянул манетку заслонки карбюратора, прогреть мотор. Выбрался на ступеньку кабины, приподнял рукой брезентовый тент.

– Все в кузове?

– Все! Теперь гоним до Ярцево без остановок, за скорость плачу по двойному тарифу! – пошутил кто-то из разведчиков.

По голосу – Иванюта. Понятное дело, ехать не идти, хотя бы часть пути.

Илья за руль, осмотрел приборы. Бензина – третья часть бака. Если бы в баке был настоящий бензин, хватило бы километров на сто пятьдесят пробега. Но с сорок второго года весь автотранспорт Германии ездил на бензине

синтетическом. С едким запахом, плохой теплопроводностью, большим расходом горючего. Нефть с румынских месторождений перерабатывалась, и весь бензин шёл только в авиацию. На высоте синтетический бензин не обеспечивал мощности моторов, хуже того – они внезапно глохли.

Илья выехал с хутора. Теперь бы не пропустить поворот на Коковчино.

– Сейф, не пропусти дороги справа. Нам туда.

Если бы о повороте на грунтовку не знать, в темноте запросто проехали бы мимо. Да ещё фары светили через узкие щели, по-фронтальному, давая скудный пучок света метров на двадцать впереди, короче, чем тормозной путь. Впрочем, грузовик на скверном бензине развивал, судя по спидометру, сорок километров. Илья за дорогой присматривал и за Сейфулиным. Придрёмывать разведчик начал. Конечно, толком вторые сутки не спал, потом часового убрал. Вроде уже привычное дело на фронте, а не просто человека ножом убить. Артиллеристам проще, послал снаряд куда-то далеко, а убил он кого или только землю выворотил – неясно. Чужую жизнь забрать, пусть и врага, всегда стресс, выброс адреналина. После стресса всегда отходняк, спать хочется. Но Сейф не один такой, скорее всего, в кузове разведчики тоже заснули. И хоть приказывай им, а человеческую сущность не изменить.

Илья рукой разведчика в плечо толкнул.

– Марат, не спи. Выйдем к своим, хоть трое суток дрыхни. А сейчас соберись, Коковчино рядом.

Даже в небольшой деревне были старосты, в сёлах обязательно несколько полицейских, в большом селе – целая полицейская комендатура и взвод полицейских.

За пеленой дождя деревня появилась неожиданно. В свете фар слева от дороги покосившийся забор, за ним тёмная изба. Невелика деревня, а в ней ни одного огонька и не слышно ни одного звука, как мёртвая.

Собак немцы ещё в сорок первом году постреляли, живность – сожрали. Кое-кто из крестьян успел корову в лес увести, подкармливал её, доил. А как снег выпал, полицаи по следам скотину нашли, хозяев пороли прилюдно.

Проскочили деревню за минуту, дальше прямая дорога на Яново, двенадцать километров, судя по карте. Грунтовая дорога раскисла, но грузовик идёт уверенно. Слева и справа лес. Сейчас бы ещё не попасть под нападение партизан. Сочтут, что одиночный грузовик – лёгкая добыча, и превратят в решето из автоматов трофейных. Полчаса, и в Яново въехали. За ним поворот налево, к Алексиничам, а прямо к Богушевску, до него пятнадцать километров. Илья на спидометр поглядывал, на пройденный километраж. Скоро городу быть. Поезд справа показался внезапно. Мелькнул и погас луч прожектора, загромыхали вагоны. Железная дорога и автомобильная на подходе к городу шли параллельно. Илья нажал тормоз, остановился. Через километр – два город, им туда нельзя соваться. На въезде в любой город у немцев заставы. Надо бросать грузовик, причём не на дороге, отогнать с неё в лес, иначе грузовик укажет путь разведгруппы. Где-то справа должно быть озеро, но времени искать его не было. Илья вышел из кабины, обошёл кузов, заглянул через задний борт. Шкода пытался бороться со сном, поднимал голову, веки смыкались, снова ронял голову и вскидывал. Остальные, включая пленных, спали.

– Подъём! Красивая жизнь кончилась. Всем из машины!

Коротким сон был, часа полтора, но разведчиков освежил. Выбрались из кузова, тент хорошо укрывал от мороси. Сейчас под мелким холодным дождём куда сонливость девалась. Илья вывернул руль, съехал с дороги в лес. Между крупными деревьями лавировал, мелкие ломал... и вдруг удар, мотор заглох, передок машины вниз ушёл. Илья выбрался из кабины. Левое переднее колесо в глубокую яму угодило, грузовик на раму лёг. Теперь, чтобы его вытащить, тягач нужен. Жалко технику, её бы в народное хозяйство. В нашем тылу бабы в селе на коровах пашут, на лошадях грузы возят. А тут такая техника без пользы ржаветь будет! Ничего, одолеем Германию, поднимем свои заводы и колхозы, лишь бы людей сохранить. Потери Союз понёс в войне огромные, даже разгромленная в 1945 году Германия намного меньше. Народ СССР расплачивался своими жизнями за ошибки руководства. Героизм всегда бывает там, где раздолбайство других, их бесталанность, лень и тупость.

Соединившись с группой, повёл её на восток, буквально через километр вышли к железной дороге, залегли на опушке. Впереди, до рельсов, сто метров зачищенного пространства. Жители окрестных деревень, согнанные полицией и охранными батальонами, лес вокруг насыпи вырубил, торчали одни пеньки. Потом немцы густо установили на зачищенной земле противопехотные мины. А поскольку партизаны белорусские продолжали «рельсовую войну», пустили в

промежутках между поездами дрезина с пулемётчиками, на ответственных участках поставили караульных через каждые сто метров. На Украине такого массового партизанского движения не было. С одной стороны местность не располагала. Таких лесных массивов, как в Белоруссии, где можно дивизии укрыть, в Украине не было. С другой – жители западных областей советскую власть не любили, служили немцам. В Украине действовало городское подполье в промышленных районах – Харьков, Одесса, Донбасс.

Осмотрелись, вперёд Иванюта пополз, он до разведки сапёром служил. Мины были, поставлены на неизвлекаемость. Иванюта веточки втыкал в те места, где мины обнаруживал. По его следу поползли остальные. Пленным немцам повторять не пришлось. Мины не разбираются, кто свой, кто чужой. И понимали, что, если будут ранены, русские в госпиталь их не поволокут, добьют ножами. Жестоко, но таковы неписанные правила войны. Для разведчиков сорвать задание, значит, снова идти в чужой тыл. Впереди Иванюта ползёт, за ним Шкода, следом оба немца, для этого пришлось им руки развязать. Замыкают группу Сейфулин и Илья.

Иванюта уже до насыпи добрался.

– Вперёд! – скомандовал Илья.

За пеленой морозящего дождя караульных не видно. Только последний разведчик рельсы преодолел, послышался звук мотора. К месту перехода шла дрезина. Все замерли. Заметят с дрезины? Ни быстро ползти, ни бежать по минному полю нельзя, взорвёшься сам и группу погубишь. На дрезине вспыхнула фара, повернулась вправо, туда, где они были пять-десять минут назад. Если бы немец повернул фару влево, осветил группу. А поскольку дрезина ехала, уже через пару минут миновала место, где разведчики лежали в напряжении, держа пальцы на спусковых крючках. Если бы фара осветила разведгруппу, немцы огонь открыть не успели бы, разведчики опередили. Но тогда группа будет обнаружена, немцы начнут преследовать, это они умеют. Вцепятся, как репейник в собаку. Теперь пять километров до шоссе Витебск – Орша. Успеют преодолеть до рассвета – можно идти днём, дальше густые леса до передовой. Не успеют – придётся лежать весь день, ибо по шоссе движение оживлённое. Не успели, фарт кончился. И всего-то сотню метров отделяет их от леса на другой стороне. А преодолеть невозможно, рокада загружена. Только прошла колонна, как с другой стороны, от Орши, одиночный мотоциклист. И так весь день. Илья разведчикам отдых устроил. Отоспались, доели остатки сухого

пайка. Выручила найденная у немцев копчёная колбаса, поделили поровну. Немцев тоже кормили, не столько из-за человеколюбия, сколько из прагматизма, немцы должны иметь силы ползти и идти наравне с разведчиками. Пленные офицеры, похоже, уже смирились со своей участью. В плену тоже жить можно, и многие пленные после войны вернулись домой. Правда, последний военнопленный покинул СССР в 1954 году. Мужиков-то после войны поубавилось сильно, немцы работали на стройках, восстанавливали разрушенное. Согласно военной конвенции получали питание по норме, которую не имели советские люди, после войны им было позволено получать письма и посылки от родных.

Всё же кончился день, в сумерках движение стало редким. А потом транспорт вовсе исчез. Немцы опасались партизанских обстрелов и налётов, по ночам старались не передвигаться. Вот теперь разведгруппа перебежала шоссе, укатанную гравийку. А дальше лесом, с редкими привалами. Уже и пушечная стрельба слышна стала, потом пулемётная. Около трёх часов стали видны осветительные ракеты, значит – передовая рядом. Некстати прекратился дождь. При нём пересечь передовую было бы проще. Но выбирать не приходилось. Да ещё Илья опасался, что наши войска начнут артподготовку перед наступлением. Все виды орудий – пушки, гаубицы, реактивные миномёты начнут огонь по разведанным целям. И не приведи Господь, попасть под удар своих же снарядов. Пока можно было – шли, потом поползли, преодолели вторую траншею. Впереди самое опасное – первая линия. В этой линии обороны солдат больше, часовые бдят, ракетчики осветительные ракеты пускают периодически и методично. Также дежурные пулемётчики постреливают. Даже если ничего подозрительного на нейтральной полосе нет, пустят для острастки – мол, не дремлем, службу несём – очередь. Звуки для любого фронтовика привычные и не опасные, если в землянке сидишь или в траншее полного профиля. А когда через вражескую траншею перебраться скрытно надо, там ощущения другие, острые, чувство опасности реальной возрастает.

Мало перемахнуть через траншею, ещё через заграждения пробраться надо, в темноте, не задев пустых банок и бутылок, не наступив на мину. Пульс частит, в висках бьёт, кажется, что твоё дыхание слышно всем, обостряются все чувства – зрение, слух, обоняние. Нервы напряжены. До траншеи метр – все замерли. Не спеша прошёл часовой. Пулемётное гнездо в полусотне метров в виде ДОТа. Периодически оттуда постреливают, а огоньков на стволе не видно, стало быть – ДОТ или ДЗОТ. Первым через траншею Иванюта перебрался, за ним пленные. Илья и Сейфулин им ножи показали и палец ко рту прислонили. Мол – полное молчание или зарежем. Поняли немцы, глаза опустили. Никому умирать не хочется. Старшему из офицеров, майору, от силы лет сорок, гауптману лет на

десять меньше, полжизни впереди. На фронте, желая выжить, даже завзятые атеисты, коммунисты начинали верить в Бога, в приметы, да хоть в чёрта. Кто выжил в мясорубке, считал – за счёт молитвы и истовее верить начинали, но в том никому не сознавались. Илья до поры до времени политрукам-замполитам верил, что атеисты. А потом у убитого полит-рука в кармане маленький складень нашёл, иконы складные. А у раненого тяжело замполита уже в сорок третьем крестик и молитву, завёрнутые в чистый носовой платок. Только Молох войны не разбирает – русский ты или немец, верующий или нет, продал душу дьяволу, как эсэсманы, или сохранил. Молох исправно, ежедневно собирал свою жатву.

За немцами другие разведчики траншею перемахнули прыжком, за бруствер спрятались, а Иванюта уже вперёд ползёт, руками убирает банки пустые и прочий гремющий мусор, причём аккуратно, чтобы не звякнул. Продвижение медленное, потому что не только в бутылках и банках дело, ещё и в минах. Землю перед собой впереди ощупать, нет ли подозрительного бугорка, под которым мина затаилась? Да и бугорка может не быть, если мина давно поставлена и земля под дождём просела. Для разведчиков – самый плохой вариант.

Иванютин на колючую проволоку наткнулся, поднял стволом автомата. Первым прополз Шкода, за ним немцы, затем остальные. Замыкающим Илья. Сам прополз, колючку придержал, чтобы Иванюта прополз под ней. Таким же способом второй ряд колючей проволоки преодолели, третий. Илья назад обернулся – далеко ли передовая. Вдруг спереди ядрёный матерок и хлопок мины-лягушки. Очень своеобразная мина. Наступишь ногой или локтем надавишь, взводится ударник, отпустишь – срабатывает вышибной заряд чёрного пороха, мина подпрыгивает на полметра – метр вверх и взрывается. Радиус разлёта осколков небольшой, но в данной ситуации для немцев знак, на нейтральной полосе, недалеко от их траншей, враги. Сразу взлетела осветительная ракета. Разведчики и пленные замерли. Когда ракета погасла, Илья приподнял голову.

– Кто ранен? Или убит?

– Шкоде руку оторвало, один немец убит, – отозвался Сейфулин.

Завыла миномётная мина на излёте. Стреляли из ротного 50-мм миномёта. Мина упала далеко справа и впереди. Но лиха беда начало. Сейчас немцы начнут лупить из всех миномётов, накроют группу.

– Вперёд, бегом! – скомандовал Илья. – Сейф, Шкоду на себе носи. Иванюта, на тебе немец!

Дружно поднялись с земли, помчались, спотыкаясь в темноте о комья земли, пустые снарядные гильзы. Вверху завывали мины.

– Ложись!

Упали все, немец в том числе, хоть и русского языка не знал. Теперь мины разорвались левее. Классическая артиллерийская «вилка». Третьим залпом накроют, если оставаться на месте.

– Вперёд!

Снова бешеный бросок вперёд. Сколько успели пробежать – десять метров, тридцать? И снова мины воют. Упали. До сих пор везло, что не задело осколками никого. Лежали не вставая, потому как миномёты начали класть мины одна за другой. Выпустив в общей сложности около сотни мин, миномётный обстрел прекратили. Зато ракетчики в разных местах траншеи стали стрелять ракетами, пулемётчики сразу из трёх огневых точек поливали очередями нейтралку. В наших войсках сообразили, что немцы стреляют по кому-то, это не дежурная стрельба. И жахнули из 120-мм миномётов и полковых пушек по немецкой передовой. Стрельба с немецких позиций прекратилась. Наши огнём сразу подавили обозначившие себя огневые точки, а кто уцелел из немцев, попрятались в блиндажи. Надо пользоваться моментом.

– Бегом, вперёд!

Пушки и миномёты не будут стрелять долго. Они и так себя проявили, теперь позиции батареям менять надо. Уже на бегу Илья спросил:

– Шкода, ты как?

– Пока живой.

– Ты держись. Как до своих доберёмся, тебя сразу в госпиталь, а потом домой. Отвоевался!

А ничего хорошего парня не ждёт. Ему и годков всего двадцать пять, а уже без руки. Профессией овладеть сложно будет. Мужику семью обеспечивать надо, а как с одной рукой заработать? Но это потом. С фронта много мужчин не вернётся, и все семьи создадут, кто хотел. Сейчас бы до своих добежать. Пока бежали, то один, то другой падали, не заметив воронку от мины или снаряда. Пот градом катится, Илья рукой смахивает, да руки-то грязные, аж глаза разъедает. Домчались! Часовой кричит:

- Стой!

Илья обматерил его витиевато, многоэтажным, и группа мимо пробежала. А в траншее уже двое из офицеров встречают – взводный и ротный. Интересно им посмотреть – ради кого такой трамтарарам поднялся?

Получилось – вышли в полосе своего третьего Белорусского фронта, только дивизия не своя, но это уже дело второе. Санитары сразу Шкоду перевязали, на плащ-накидку определили и в полевой медпункт понесли. На носилках в узких и извилистых траншеях не развернёшься. А командир роты по телефону со своим начальством связался, ситуацию объяснил. Потом как всегда – до штаба полка, куда утром пришла машина из разведотдела своей дивизии. Пленный офицер явно повеселел. Из такой передраги живым вышел, разве не везение? На допросе майор дал интересные сведения, ибо оказался начальником вещевого снабжения седьмой пехотной дивизии, а погибший гауптман был его заместителем.

Разведчикам отдых дали. Отсыпались, отъедались три дня, а потом началось наступление.

Собственно, первый день операции «Багратион» наступлением не был, произошла разведка боем. После артподготовки войска пошли якобы в наступление. Немцы поверили в серьёзность, открыли огонь из всех стволов, обнаружив все огневые точки – пулемётные, пушечные. А наши сразу назад. Зато артиллерийские и авиационные корректировщики засекли и нанесли на карты ранее не выявленные позиции. Командование специально приурочило день наступления на 22 июня. В этот день три года назад началась Великая Отечественная война. Была у коммунистов такая скверная привычка, приурочивать к юбилеям любые действия и потом торжественно рапортовать.

Немцы с досадой осознали промах, но быстро позиции многих батарей и ДОТов не поменяешь. А на следующий день РККА нанесла настоящий удар. Сразу ударили сотни пушек на всех четырёх фронтах – трёх Белорусских и Прибалтийском. После разрывов снарядов, мин на позиции врага обрушили удары в ближнем и дальнем тылу наши штурмовики и бомбардировщики.

На Оршанском направлении 11-я гвардейская и 31-я армия действовали неудачно. За весь день смогли с потерями продвинуться до второй линии обороны. Зато 49-я армия действовала успешно. Они смогли захватить плацдарм на правом берегу Днепра, до двадцати километров по фронту. Тут же в место прорыва ввели из наших тылов первый гвардейский танковый корпус генерала Панова и конно-механизированную группу генерала Плиева. Танкисты генерала Бахарова 26 июня прорвались к Бобруйску. Двумя сходящимися ударами войска Панова и Бахарова окружили немецкие 41-й танковый и 35-й армейский корпуса и начали методично сжимать мешок окружения, перемалывая вражескую технику и личный состав.

Командование решило забросить в немецкий тыл роту нашей разведки, усилив её взводом сапёров для диверсий в тылу врага, организации паники. Для этого была задействована Днепровская военная флотилия. Создана она была из кораблей Волжской военной флотилии в сентябре 1943 года, и входило в неё к весне 1944 года 140 судов, москитный флот, в том числе 16 бронекатеров, 10 сторожевых катеров, 40 речных тральщиков, 32 полуглиссера, два зенитных плавучих артдивизиона и плавучая артиллерийская батарея.

Когда вечером, готовясь к посадке, Илья увидел катер, расстроился. Судёнышко в семь метров длины на лёгкой речной волне раскачивалось с борта на борт. И никакой брони, катер сделан из досок. В середине стоит на треноге пулемёт «Максим». А приводит в движение утлую посудину двигатель от легкового автомобиля М-1 в 50 лошадиных сил. Катер мог развивать 35 км/час на спокойной воде и при экипаже в два человека мог брать на борт 15 бойцов. Переделанный в военный из прогулочного НКЛ-17 образца 1936 года доверия не внушал. Но у разведчиков и сапёров выбора не было, приказ надо выполнять. Когда стемнело, солдаты уселись на судёнышки. Разом взревели моторы, катера вышли на фарватер и набрали скорость. Шли вполне быстро, кое у кого встречным ветром сдуло пилотки. Перед немецкими позициями мотористы перевели выхлоп моторов в воду. Рёва теперь не стало, слышно было сильное бульканье. До этого десанта Илья считал, что служба в разведке самая рискованная среди армейских специальностей. Ошибался, у катерников не лучше. Не

укроешься в окопе, катер на виду, защиты нет, кроме скорости и маневрирования. А потопят катер или ранят матроса, как спастись? Ведь никаких спасательных средств на катерах не было, вроде надувных жилетов или воротников, даже кругов.

Пятнадцать бойцов, с вооружением, сидорами с харчами и боеприпасами, катера взять не смогли, брали по отделению в десять бойцов.

Осадка у катеров малая, двадцать сантиметров, поэтому катера сначала шли вдоль левого берега Днепра, занятого нашими войсками. Потом Днепр сделал поворот и полностью уходил на вражескую территорию. У катерников защита от попаданий одна – манёвр на скорости. Командир катера, пока немцы огонь не открыли, держал штурвал ровно, а как пулемёты у берегов бить стали, начал маневрировать. За плеском воды о днище, за гулом моторов никто стрельбы не услышал, а огоньки выстрелов увидели. У немецких ручных пулемётов пламегасители дают характерное пламя, в виде креста, не так, как наш ДП или ДШК.

Попали в катер или нет, Илья не понял, поскольку опасный участок проскочили. Полчаса ходу, и катера пристали к берегу. Бойцы выпрыгивали в воду, неглубоко было, по колено, передавали по цепочке ящики с патронами. Тут же, на берегу, их открывали, цинки перегрузили в сидоры. Одному человеку нести ящик тяжело, а двум – несподручно, если только по дороге. Командир роты определил направление движения. Для разведроты действия нехарактерные. Обычно в тыл забрасывали малыми группами, по пять-шесть человек, им укрыться легче, просочиться через посты, заложить взрывчатку, если поставлена задача взорвать объект. До разведчиков задачу не доводили, но взводные и ротные знали, как и командир сапёров. Илья по звёздам определил – на запад идут. И уже через четверть часа вышли к окраине какого-то городка.

Взводный поставил задачу.

– Перед нами Шклов. Наш взвод заходит с севера, по шоссе. Если застава – уничтожить. С нами пойдёт несколько сапёров, ДОТы подорвать, либо другие укрепления. По возможности самим мосты и станционные пути не трогать, пригодятся фронту.

Рота разделилась, одни группы заходили с востока, другие уходили к югу. Город невелик, районный центр, но и захватить его силами роты, пусть и с поддержкой сапёров, дело трудное. Шклов – на перекрёстке важных дорог Орша – Могилёв и Чаусы – Березино, так же здесь железная дорога – рокада. Перережь её, захвати, и немцы не смогут перебрасывать свои войска с севера на юг. Скорее всего, именно эту задачу поставили командиру роты. А может – устроить шум, чтобы запаниковали немцы. Наши по фронту наступают, а когда в тылу действуют вражеские подразделения, ни уверенности, ни доблести немцам это не добавляет, как заноза в пятой точке. Да ещё и силы рота на себя отвлекать будет. Разведчикам воевать в чужом тылу не привыкать, а сапёры побаивались. У них вооружение – винтовки, при штурме города лучше автоматы, больше плотность огня дают и габариты меньше, для города немаловажно.

Взвод выбрался к шоссе, дальше к городу по обочинам. На окраине застава. Расстреляли всех четырёх немцев за секунды, они и понять не успели, кто перед ними появился. А уже выстрелы слышны с восточной стороны.

Затем квартал бегом. Сапёры с трудом поспевали за разведчиками. Сапёры в большинстве своём в возрасте за сорок, да ещё несут ящики со взрывчаткой. Да на каждом – сидор, винтовка, под сумки с патронами. Справа переулок, в конце его вокзал железнодорожный. Взводный повёл группу туда. Вероятно, целью взвода был именно вокзал. На путях несколько эшелонов, причём без паровозов. На перроне немцы, далёкой стрельбой не встревожились. Русские для них появились внезапно, открыли огонь. Почти три десятка автоматов – это сила. На перроне сразу трупы, паника, раненые кричат. Из депо к одному составу паровоз катит.

– Сафронов! Со своим отделением к выходным стрелкам! Не дай вывести состав! Паровоз можешь повредить, но рельсы и стрелки не трогай!

– Есть! Отделение – за мной!

Бежали к южной стороне станции между двумя грузовыми эшелонами. Паровоз уже прицепили к составу, зашипел воздух в тормозной системе. Поезд вот-вот может тронуться.

– Емельянов, беги на ту сторону, не дай никому сбежать с паровоза. Луценко – за мной!

Неудобно держать в одной руке автомат, другой держаться за поручень, поднимаясь по крутой, почти вертикальной лестнице. В проеме будки паровоза показался немец. Видимо, в предрассветных сумерках не разглядел форму на Илье.

- Век! Ферботен!

Илья дал очередь немцу в живот. Тот схватился руками за ранения, покачнулся и выпал из паровозной будки прямо на Илью, сбил его на землю. Илья сбил Луценко, который следовал за ним. Немец Илью в крови вымазал, гимнастёрка липкая стала. Выматерился старшина, немца с себя сбросил, вскочил и снова на паровоз, уже осторожно. А дело уже свершилось, в дверном проёме с другой стороны будки Емельянов стоит, в руках автомат, вид грозный. В угол будки паровозная бригада жмётся – машинист, его помощник и кочегар, все русские.

- Спокойно! Мы из Красной Армии! Отцепляйте паровоз от состава и немного вперёд подайте, потом стоять и ждать распоряжений.

- Нам на семафоре зелёный, – сказал машинист.

- Мне плевать, какой там сигнал. Теперь главный диспетчер – это я. А диспетчер, или как там его называют немцы, который на станции, скорее всего, убит. Город захвачен передовыми частями Красной Армии!

Илья лукавил, всего-то неполная разведрота и взвод сапёров, в общей сложности полторы сотни бойцов. А сколько в городе немцев – неизвестно. Но после активной стрельбы на перроне наверняка все подразделения немцев поднялись по тревоге. Есть комендант и комендатура, сейчас небось звонит в соседние Могилёв и Оршу, от Шклова расстояние до них одинаковое, по полсотни километров. Если комендант успел вызвать подмогу, через час – полтора к городу подойдут части гитлеровцев. Это если утром не начнутся бои у Орши или Могилёва. Тогда немцам не до маленького Шклова будет. Невдалеке раздался один взрыв, другой, третий. Похоже, сапёры рвут толовыми шашками столбы проводной связи. Поможет мало, поскольку насыщенность немецких подразделений радиостанциями велика и наверняка шифровку уже отбили. А кроме того, есть ещё отдельная от городской железнодорожная связь. И если начальник станции успел сообщить, немцы будут здесь. По соображениям Ильи надо как можно быстрее зачистить город и занять оборону на окраинах. Ротный

наверняка ситуацию просчитал или приказ соответствующий имеет. Как в подтверждении по городу перестрелки пошли, то в одном районе, то в другом одиночные выстрелы, автоматные и пулемётные очереди. Несколько взрывов гранат. Всё правильно, идёт зачистка.

На станции тоже стрельба. Оставив на паровозе Луценко, Илья повёл своё отделение на помощь, но взвод уже справился с полицией без них. На вокзал прибыли полицейские из русских, немногим больше отделения, и все уже убиты были. Одежда на них гражданская, только кепи форменные, немецкие, да ещё белая повязка на левом рукаве с надписью «Полиция». Немцы вооружили их трофейными русскими трёхлинейками, всё экономнее.

- Сафронов, мы тут без тебя справимся.

- Был один паровоз и тот стоит, на нём Луценко.

- На станцию помощь поездом или дрезинами прийти может, это уже твоя забота будет.

- Понял.

Прибыть помощь может, только с какой стороны – из Орши, с севера, или Могилёва, с юга? Илья отделение разделил. Сам с половиной у северных входных стрелок позиции занял, а другую часть во главе с Сейфулиным к южной части станции послал. Напутствовал.

- Появится немецкий поезд или дрезина, дай три одиночных выстрела или гонца ко мне. А сам держись. Забери у стрелочников ключи от стрелок, переведи их все на один путь, вот этот, где эшелон стоит.

- Ага, если прорвётся, крушение будет, – догадался Сейфулин.

- Именно! Иди.

За Сейфулина Илья спокоен был. Боец опытный, осторожный, расчётливый. Попусту тревогу не поднимет, а при опасности примет верное решение. Ему бы уже как минимум сержантом быть, а он ефрейтор. Илья с бойцами к северной

части станции. Стрелочники в своих будочках попрятались. Уйти страшно, если немцы удержатся, наказание для бросивших пост одно – повешение, причём прилюдное, в назидание другим. А остаться ещё страшнее – стрельба, пули по брёвнам будочек случайные бьют, взрывы и на вокзале и в городе. Илья собрал всех трёх стрелочников.

– Все стрелки перевести на этот путь, стрелки на замок.

– Никак невозможно, – возразил старший. Там же вагоны стоят.

– Если немецкий поезд с подмогой придёт, он должен попасть в крушение! И отвечать тебе за катастрофу не придётся, ты по моему приказу действовал. Запомни – Сафронов моя фамилия.

Глава 3. Бои в Белоруссии

Разведчики проконтролировали исполнение стрелочниками приказа старшины. Потом отделение, вернее, его половина, принялось оборудовать позиции. Сапёрными лопатками отрыли окопы неполного профиля, потом перед ними уложили шпалы на манер бруствера. Такую шпалу ни автоматная, ни винтовочная пуля не пробьёт. Правда, руки выпачкали здорово креозотом. Вонючая жидкость, и руки плохо отмываются. Однако никто не роптал, лучше быть грязным, чем мёртвым.

Рассвело. Кое-где над городком поднимались чёрные дымы. Так горит техника – машины, бронетранспортёры, танки. Если горит дом или стог сена, дым серый будет.

Один из разведчиков поковырял пальцем в ухе.

– Хлопцы, зудит что-то. Не слышите?

Илья и остальные разведчики прислушались. Звук еле уловимый, но нарастает. Илья небо осмотрел – не авиация ли немецкая бомбить летит? Ни одной тёмной точки в воздухе не видно. А звук всё отчётливее, потом из-за поворота, довольно

далеко, в километре, показалась мотодрезина. Довольно большая, размером как грузовая платформа. Посредине в деревянной надстройке пост управления, впереди мешки с песком, как прикрытие от обстрела, за ними только стальные шлемы мелькают и пулемётный ствол торчит.

– Парни, приготовились! Стрельба по моей команде. Кирьянов, отползи в сторону от насыпи и вперёд на полсотни метров. Возьми пару лимонок. Если напротив тебя дрезина остановится, подави гранатами пулемётчиков.

За мешками пулемётчики как за бронёй, единственная возможность их уничтожить – забросить сверху гранаты. Так и то, если повезёт и дрезина остановится недалеко.

Дрезина стала сбавлять ход, только слепой не увидит дымы над Шкловом. Не доезжая сотни метров, дрезина встала. Наверное, экипаж держал совет – что делать дальше. Стой – не стой, а разведку провести надо, наверняка командование их для этого посылало. Два солдата спустились на насыпь, держа в руках карабины, направились к станции. Илья подпустил их поближе, дал очередь из автомата, сразив обоих. И тут же спрятался за шпалы. Пулемётчик сразу открыл огонь. Было слышно, как пули бьют в дерево, летели щепки. Пулемётчик патронов не жалел, не меньше половины ленты выпустил. А потом один взрыв, следом второй. Илья осторожно выглянул. Недалеко от дрезины стоял Кирьянов, махал пилоткой, зажатой в руке. Илья выбрался из окопчика, отправился к дрезине.

– Пока он палил, как придурочный, я поближе подобрался и гранаты бросил. Вроде наповал.

– Давай проверим.

Сначала Кирьянов влез на дрезину, за ним Илья. Оба пулемётчика – первый и второй номер убиты, френчи в дырах от осколков, кровящи натекло! Так ведь ещё должен быть как минимум один человек, который управлял дрезиной. Илья приложил палец к губам, стянул с плеча ремень автомата, ступая неслышно, подобрался к кабине, заглянул в окно. На полу сидел мужчина в немецкой форме и поддерживал левой рукой окровавленную правую. Илья рывком распахнул дверь.

– Ауфштейн!

Немец был испуган. Опираясь левой рукой о стенку кабины, поднялся.

– Кирьянов, перевяжи фрица. Пусть его наши допросят. Невелика птица, но может знать, что гитлеровцы в Орше замыслили.

Кирьянов пробурчал.

– Шлёпнуть бы гада!

– Я не против. Застрели и топай в Оршу, там «языка» возьмёшь.

Кирьянов замолчал. Что такое «язык», в разведке понимали хорошо. Только вопрос – есть ли в роте переводчик? От дрезины Кирьянов конвоировал пленного немца, а Илья нёс пулемёт, он мог здорово усилить огневую мощь. У разведчиков автоматы, их пули не пробивают паровозные котлы, стенки цистерн. А винтовочные патроны, применяемые в пулемётах, дырявят котельное железо запросто. Пулемёт за отделением не числится, его в любое время бросить можно. Хотя жаль, пулемёты ручные у немцев хорошие, всё же питание ленточное, а не из диска, как у ДП-27.

Кирьянов немца к вокзалу повёл, сдать командиру. Пусть лейтенант решает, что с фрицем делать. Илья же выбрал позицию для пулемёта.

– Добровольцы на пулемёт есть?

Отозвался Жигарев. Забрал пулемёт, проверил, установил на сошки. Разведчики приободрились, у ППШ убойная и прицельная дальность невелики, две сотни метров. А у пулемёта эффективная дальность шестьсот-восемьсот метров, что значительно больше.

На южной окраине города вспыхнула ожесточённая перестрелка, видимо, немцы подтянули какое-то подразделение. У позиций Ильи пока тихо, и никто не передавал приказа идти на усиление роты. На юге слышны были несколько пушечных выстрелов, потом взрыв и всё стихло. Как потом рассказали сослуживцы, немцы пригнали танк Т-III и роту пехоты. Сапёры заранее на дороге

заложили фугас и, когда танк, постреливая из пушки, наехал на тротил, подорвали. Лишившись поддержки, немецкая пехота отступила. Они никогда не наступали без поддержки танков или самоходок, на худой конец бронетранспортёров с пулемётами. Этот тактический приём позволял выполнить приказ и достичь цели с минимальными потерями.

Илья опасался, что немцы обнаружат позиции разведчиков и нанесут удар авиацией или, хуже того, предпримут ночной штурм при поддержке танков. У разведчиков никаких противотанковых средств нет. Ни противотанковых ружей, ни пушек. Впрочем, немцы даже на танки Т-III и Т-IV, с которыми начинали войну, навесили дополнительные броневые листы и противотанковые ружья стали не актуальны. В лоб танк из ружья не возьмёшь, а бока он не подставит. И для ружей единственными целями остались бронетранспортёры и тягачи. По штату в разведроте противотанковых средств не было, задачи разведчиков не воевать на передовой, а осуществлять поиски, брать пленных, осуществлять диверсии.

Перекусили сухим пайком. Солнце жарило всюду, и укрыться от него негде. Всё же конец июня, теплу пора быть. Час шёл за часом, день двигался к вечеру. Вдалеке слышалось погромыхивание. Это не гром громыхал, а массово били пушки. Наши войска под Оршей взламывают немецкую оборону. И для немцев занозой в самом неудобном месте сидела разведрота в Шклове. Городишко небольшой, и вся его ценность в том, что стоит на железной и шоссейной дорогах между Оршей и Могилёвом, посредине трёх Белорусских фронтов, на рокаде. И разведчики здорово мешали переброске немецких войск. Немцы пока не знали, какими силами располагают русские в Шклове. С юга, со стороны Могилёва, силы защитников попытались узнать разведкой боем. Танк сожгли, были потери среди пехоты. Со стороны Орши была послана дрезина, и её экипаж уничтожили разведчики Илья. Немцы так и не смогли оценить силы, отправили отряд мотоциклистов. Так поступали практически всегда, что во французской кампании, что в сорок первом году в войне с Союзом. Мотоциклисты отрывались от своих передовых частей довольно далеко. Если враг был малочислен, уничтожали из пулемётов, резали линии связи, а ещё наводили панику. Никто не ожидал увидеть на улицах своего города немецких мотоциклистов. Паника – страшное дело! Сотрудники НКВД, госаппарата принимались звонить начальству в областные центры, если связь ещё работала. Докладывали о немцах, военное и партийное руководство было обескуражено, смотрело на карты. Получалось – с эвакуацией предприятий, населения уже опоздали. В городках, где появлялись мотоциклисты, паника тоже приводила к хаосу. Бросали банки, отделы милиции, где были бланки паспортов, начинались грабежи магазинов. Но за три года войны Красная Армия воевать научилась, и никто при виде мотоциклистов или

танков уже не паниковал. РККА насытилась противотанковой техникой, да и танков хватало, а главное – командиры приобрели бесценный опыт.

Мотоциклисты ехали со стороны Орши. Перед Шкловом разделились. Одна часть продолжила движение по шоссе, другая свернула на грунтовку, что шла вдоль железной дороги. Рядом с железной дорогой всегда шла грунтовая – путейцы подвозили шпалы, рельсы, доставляли бригады для ремонта пути.

Мотоциклисты действовали отработанными методами, в населённый пункт лучше въехать с нескольких направлений, тогда население и подразделения РККА запаникуют – окружили, проклятые! Но мотоциклисты нарвались на разведчиков. В стрелковых частях это самые подготовленные, опытные воины и немца не опасаются. Он так же смертен, как и другой человек. Его можно убить ножом, взять в плен, взорвать гранатой.

По вечернему времени видно уже плохо, не далеко. Зато треск мотоциклетных моторов слышен хорошо. Наши части мотоциклами насыщены плохо, поэтому Илья сразу скомандовал:

– В ружьё!

Как только показались мотоциклисты, три мотоцикла с колясками, над одним заметна антенна радиостанции, Илья приказал:

– Огонь!

Здорово выручил трофейный МГ-42. Несколько секунд интенсивного огня, и мотоциклетный отряд уничтожен. А уже со стороны шоссе тоже стрельба ожесточённая слышна.

– Жигарев, Сейфулин, мухой к мотоциклистам. Забрать пулемёты, патроны и харчи.

Поскольку рота действовала в отрыве от своих войск, снабжаться придётся за счёт противника. Разведчикам это не впервой. Трофейное оружие парни знали не хуже отечественного, пользовались умело. Уже в потёмках разведчики, тяжело нагруженные оружием, коробками с патронами, ранцами с продовольствием вернулись. Огневая мощь с прибытием двух ручных пулемётов резко возросла. Сели ужинать. В ранцах копчёная колбаса, венгерский шпик,

шоколад. Сытно и вкусно, особенно под фронтовые сто грамм трофейного шнапса. Вот шнапс у фрицев скверный – запах самогона, крепостью ниже водки и вкус противный. Любой из наших солдат предпочёл бы отечественную водку, да где её взять? Получилось на каждого по половине кружки шнапса, граммов по двести. Один только Жигарев высказал вслух то, о чём мимолётно подумали другие.

– Вдруг ранят или убьют, не пропадать же добру.

– Ваня, ничего не пропадёт, будь спокоен, другие слопают.

– Это да.

После того как в армии стали получать продукты по ленд-лизу из США, им давали обидные прозвища, типа «второй фронт» или «яйца Черчилля», как называли яичный порошок. Разведёшь водой, а лучше молоком и на сковородку. Вкусный омлет получался. Но по вкусу продукты добротные, вкусные, сытные, их любили, однако на всех заморских харчей не хватало.

Всё же в сорок третьем с провизией и боеприпасами значительно лучше стало, армия это чувствовала. Своя промышленность отошла от шока эвакуации, конструкторы новое вооружение изобрели, да ещё ленд-лиз здорово выручал. Импортная техника работала только на высокооктановом топливе. Для английских и американских самолётов и танков поставляли импортный бензин, десятки тысяч тонн.

Караульную службу несли по очереди. Немцы по ночам не воевали, но свою разведку подослать могли, потому стереглись. Утром посыльный от взводного передал распоряжение – старшему – к командиру.

Илья пришёл на вокзал. Взводный, лейтенант Леонтьев, расположился в кабинете начальника вокзала, только портрет Гитлера со стены сорвали.

– Как обстановка, Сафронов?

Илья доложил о дрезине, мотоциклистах.

- Прощупывают, значит. Если так, собираются штурмовать, городок отбить.
- Сомнительно. Канонаду мы слышали вечером, стало быть, наши уже недалеко, километрах в пятнадцати-двадцати. Немцам не до Шклова будет.
- Ты гляди, какой стратег выискался! Оборону укрепил?
- Так точно! Окопы неполного профиля, вместо бруствера – шпалы. А ещё три пулемёта трофейных.
- Богато!
- Так людей всего – ничего.
- Это я так, к слову. Наши немецкий полевой хлебозавод трофеем взяли, так что к обеду хлеба подбросим. Свободен!
- Есть свободен!

Хлеб – это хорошо. Сухари из пайка не всякие зубы возьмут. А хлеб всему голова. Илья возвращался к своим бойцам, размышляя, что ещё предпринять для укрепления обороны. Хорошо бы панцерфаустов парочку, да где их взять? И так с пулемётами повезло. Два МГ-34 и один МГ-42, на фронте получивший прозвище «Косторез» за большую скорострельность, в 1200–1550 выстрелов в минуту. При таком темпе приходилось менять ствол для охлаждения через 150 выстрелов. Немцы за годы войны выпустили его в количестве 436 тысяч. И, слегка усовершенствовав, многие страны выпускают его до сих пор, он состоит на вооружении. Это свидетельствует о хорошей конструктивной проработке и качестве изготовления.

Немцы за 1943–1944 годы укрепили оборону Витебска, Орши, Могилёва и Бобруйска и называли их «крепостями». Витебск обороняла 3-я танковая армия Г. Х. Рейнгардта. Называлась танковой, хотя танков у неё не было. Оршу прикрывал 17-й армейский корпус 4-й полевой армии вермахта. Штурмовали Витебск и Оршу части 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов. Наши решили города окружить, 43-я армия РККА охватила Витебск с запада, а 39-я армия с юга. Немецкий 6-й корпус был рассечён, в течение нескольких дней боёв

командир корпуса и все командиры дивизий убиты. Оставшиеся части, потеряв управление, стали пробираться на запад, намереваясь соединиться со своими. В наступление ринулась 5-я гвардейская танковая армия П. А. Ротмистрова, в котёл под Витебском угодил 53-й корпус Ф. Гольвитцера. Эта группа в количестве пяти тысяч человек вырвалась из Витебска, была окружена у озера Мошно. Генерал Ф. Гольвитцер попал в плен, с ним начальник штаба полковник Шмидт, а также командиры 206-й пехотной дивизии генерал Хиттер и 246-й пехотной дивизии генерал Мюллер-Бюлов. И 27 июня Витебск пал. Сам 53-й корпус был почти полностью уничтожен. Разрозненными группами к своим вышли немногим более 200 человек и все ранены.

Именно громы пушек со стороны Орши слышали разведчики вчера, это корпус Ротмистрова воевал. И сегодня утром один из танковых полков уже прорвался к Толочину. Обычно немцы всегда сильны авиацией. Но во время операции «Багратион» действие Люфтваффе активными не были, главным образом из-за подавляющего преимущества советской авиации, а во вторую очередь из-за дефицита авиационного бензина. Ещё в марте Красная Армия вступила на территорию Румынии. Нефтяные месторождения в Плоешти оказались под бомбёжками, персонал разбежался, а потом и вовсе в зоне нашей оккупации. Да ещё действия партизан нарушили подвоз горючего по железной дороге. В Белоруссии партизан было много, действовали они активно, оттягивая на себя силы вермахта. И внесли значительный вклад в победу.

Армия Ротмистрова бронированным кулаком проламывала немецкую оборону и 28 июня освободила Лепель и вышла к Борисову, от которого до Минска рукой подать – 70 километров.

Сведений о положении на фронтах разведчики не имели. Скорее всего, ни взводный, ни ротный командиры сами не знали, а радио послушать, сводки Совинформбюро – негде. Даже командование немецкими частями не в полной мере знало, какой населённый пункт кем занят, где линия фронта? Ситуация менялась стремительно и напоминала ту, в которой была в этих же местах Красная Армия в сорок первом году. Немцы деморализованы. Как же, всегда дисциплина и порядок в войсках, а сейчас младшим командирам самим надо принимать решения, пробиваться на запад, на соединение со своими.

Вот и на разведчиков выбралась небольшая группа. С утра в городе стрельбы не велось. Кого-то из немцев убили, другие успели убежать. И пожаров не было. Вот небольшая группа выбирающихся из Орши решила, что в городе всё

спокойно и город занят вермахтом. К железнодорожным путям вывернул тягач SdKfz-10 с реактивным миномётом Nebelwerfer-42 на прицепе, прозванном нашими союзниками «ишаком». Имея шесть стволов, собранных в круглый блок, при стрельбе издавал очень похожие на крики ишака звуки. За тягачом грузовик «Рено», в кузове полно солдат, часть из них с повязками на ранах.

Добрались до дрезины, увидели убитых соотечественников, остановились. Начали обсуждения, что делать дальше? Развернуться и стороной городишко обходить или въехать? Явно командира нет. У немцев командир отдал приказ, подчинённые беспрекословно бросаются исполнять. А раз обсуждение идёт, стало быть, офицеров нет.

– Парни, приготовились к стрельбе! – попросил Илья.

А сам поднялся в полный рост. Зачем стрелять, когда есть вероятность взять в плен.

– Ахтунг, ахтунг! Хенде хох! Сдавайтесь!

Как на немецком сдавайтесь, Илья не знал. Немцы сдаваться не захотели. Несколько солдат сорвали с плеч карабины, автоматы и явно не для того, чтобы швырнуть на землю. Илья сразу за бруствер из шпал упал.

– Огонь!

Сразу три пулемёта ударили. Дистанция сто метров, укрыться немцам негде, ни окопа, ни воронки. Кто-то попытался за тягачом спрятаться. Тщетно! Минута бешеной стрельбы, от стволов пулемётов лёгкий дымок идёт. А у немцев никакого движения.

– Жигарев, автомат наизготовку, пойдём – проверим! Остальным пулемёты перезарядить!

А чего их перезаряжать? К концу одной ленты патроном, как пальцем танковые траки, соединяется другая лента. И так можно до бесконечности. У МГ-42 каждые пятьдесят патронов после отстрела лента сама разъединяется, чтобы лишнее железо не носить.

Илья с Иваном, держа пальцы на спусковых крючках автоматов, подошли к гитлеровцам. Да, хорошая штука МГ-42, не зря ему такое прозвище дали. Раненых не было, убитые имели по два-три-четыре попадания. К удивлению Ильи, мотор тягача рокотал на холостых оборотах. Илье любопытно было посмотреть вблизи на реактивные немецкие миномёты. Подошёл поближе, а в стволах – реактивные снаряды, больше похожие на миномётные мины, а не на ракеты, как на БМ-13 отечественных. Как бьют эти миномёты, он слышал и видел, но издали. Жалко, если не использовать боезапас. Забрался в открытую кабину, сбросил тело убитого водителя на землю, сам уселся на сиденье. Управляется транспортёр рулём, а не рычагами, как на танке или самоходке, ибо впереди гусениц обычные колёса стоят.

Включил передачу и поехал. Иван успел на ходу заскочить.

– Ух ты, здорово. Теперь как жахнем по фрицам!

– Это точно!

Знать бы ещё, как наводить этот миномёт. Илья доехал до позиции, заглушил мотор, прыгнул на землю. А к позициям сам взводный бежит.

– Что за пальба?

Конечно, сразу из трёх пулемётов почти непрерывный огонь вели, шуму было много.

– Немцы ворваться пытались, отбили мы приступ. Даже вон трофеи взяли – тягач и «ишака». А ещё грузовик стоит.

– Молодец, старшина. Живы останемся, обязательно ротному доложу, пусть наградят. А немцев сколько уничтожили?

– Не считали, товарищ лейтенант.

Леонтьев не погнушался пройти к грузовику, к трупам, что во множестве валялись, посчитал.

– Ёж твою, старшина! Трое в дрезине и восемнадцать у грузовика! Почти взвод!

С одной стороны, лейтенант искренне рад, что его бойцы серьёзную атаку отбили, с другой – будет о чём отчитаться командованию. Будь ты хоть семи пядей во лбу, а любого командира начальство по результатам оценивает. Командира взвода по уничтоженным гитлеровцам, взятым в бою трофеям. И Леонтьеву хочется выглядеть по сравнению с другими взводами не хуже.

Не успел взводный уйти, привезли хлеб из пекарни. Да не ржаной, а белый, из муки, которую немцы для себя берегли. Хлеб ещё горячий, духовитый. Белого хлеба бойцы всю войну не видели. Давали его только лётчикам и раненым в госпиталях. Для солдат – как деликатес, память о довоенных годах. Впрочем, не все и до войны белый хлебушек ели, перебивались ржаным да кукурузными лепёшками. Не богато и не сытно народ до войны жил. Часы наручные – редкость, велосипед – богатство, у женщин одно платье и на работу и в праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/korchevskiy_yuriy/pobednaya-vesna-gvardeyca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)